

Ролле Э.

РАЗБОЙНИК КАДРУС

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Эрнест Ролле

Разбойник Кадрус

«Алгоритм»

около 1890 г

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

Ролле Э.

Разбойник Кадрус / Э. Ролле — «Алгоритм», около 1890
г — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-501-00181-7

Эрнест Ролле – один из многочисленных французских исторических романистов конца XIX в., чьи имена, достаточно популярные среди их современников, в настоящее время (порой незаслуженно) забыты. Представленный в этом издании роман «Разбойник Кадрус» переносит читателя во времена кровавой зари французской революции, когда многочисленные шайки Душителей, Шофферов, Сальных масок и прочих грабителей безнаказанно хозяйничали в долинах Рейна, Луары и Роны, а самым весомым аргументом во всевозможных спорах служила шпага. Но и среди разбойников встречались личности, выделявшиеся чистотой помыслов и внутренним благородством, что выгодно отличало их от «собратьев по профессии». Одним из таких персонажей и был главный герой романа Кадрус, с которым не сумели совладать ни пришедший к власти Наполеон Бонапарт, решивший навести порядок в стране, ни его правая рука, начальник тайной полиции Савари.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-501-00181-7

© Ролле Э., около 1890 г

© Алгоритм, около 1890 г

Содержание

Глава I	6
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	14
Глава V	16
Глава VI	19
Глава VII	24
Глава VIII	26
Глава IX	29
Глава X	32
Глава XI	34
Глава XII	37
Глава XIII	42
Глава XIV	47
Глава XV	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51
	52

Эрнест Ролле

Разбойник Кадрус

© ЗАО «Мир Книги Ритейл», оформление, 2012

© ООО «РИЦ Литература», 2012

Глава I

Дятлы поют странным голосом

В окрестностях Фонтенбло, близ ущелий Франшара, лес принимает дикий, странный характер – местность перерезана вулканическими потрясениями. Там находятся глубокие бездны и огромные гранитные глыбы. Это хаос, над которым возвышаются скалы, нависшие как бы чудом над пропастями. Смотри на них, можно принять их за гигантских сфинксов, стерегущих фантастический пейзаж.

Этот уголок французской земли имеет алжирский характер: он перерезан повсюду оврагами. Скалы имеют тут теплый, красноватый колорит, как будто набросанный грубыми поцелуями африканского солнца. На бесплодной почве расстилается пурпуровый вереск, перемешанный с можжевельником с темными листьями, который придает этой пустыне вид брошенного кладбища. На дороге, едва проложенной, торчат остроконечные вершины скал, которые можно принять за черепа гигантов, побелевшие от времени.

Это франшарское ущелье уединенно. Только одни путешественники безмолвно пробегают его, глубоко пораженные его свирепым видом. Таинственный, неопределенный, но сильный страх овладевает вами в присутствии этих ущелий, так странно расположенных, что они ни к чему не ведут и не дают доступа никуда.

Такова картина первой сцены нашей драмы, происходящей в 1804 году.

Был вечер в конце лета, одна из тех минут, когда воздух неподвижен и, предвещая грозу, сохраняет едкий запах сосен, когда из жгучего песка доносятся в ущелья удушливые испарения. У этих тяжелых вечеров бывают безмолвные закаты солнца, во время которых запоздалые иссохшие листья на ветвях чуть колеблются от редкого теплого дуновения воздуха. Это был час, когда хищные лесные звери приготавливаются к ночной охоте.

Голос рыбного орла один нарушал угрюмую тишину, приветствуя своим зловещим криком приближение сумерек и угрожающей грозы. Однако, несмотря на эти неприятные признаки, два всадника со стороны Фонтенбло показались на горизонте. Силуэты их выделялись четко и резко на красном грунте горизонта. Они ехали молча, и копыта их лошадей глухо ударились о движущийся песок дурно проложенной дороги. В такой час присутствие этих двух человек в этом мрачном месте, так мало посещаемом в то время, трудно было объяснить. Наверняка их не привлекало бедное гостеприимство, которое могла им обещать жалкая гостиница, синеватый дым которой виднелся сквозь деревья, спокойно поднимаясь кверху. Наверняка они не торопились, потому что лошади их шли шагом, выбирая по своей воле между многочисленными параллельными тропинками, проложенными чрез вереск. Впрочем, они медленно подвигались к жалкой гостинице, но хозяева, по-видимому, не управляли ими.

Однако, несмотря на их наружное равнодушие к дороге, эти двое людей время от времени бросали вокруг себя вопросительные взгляды. Внимание их к малейшему шуму доказывало, что они ехали не без цели и прогуливались не без причины.

Чего искали они? Что могли они надеяться найти в этой пустыне? Как будто они осматривали каждый куст, каждый пригорок – и не видели ничего, кроме неподвижности. Их внимательный слух ловил только безмолвие.

– Ну? – вдруг сказал один всадник, как будто спрашивая своего товарища и остановившись на раздвоении двух дорог.

– Я ничего не видел, ничего не слышал, – отвечал другой. – Однако мы должны быть на верном пути.

– Должны? Стало быть, ты не совсем уверен? – Всадник нахмурил брови.

– Едем, – сказал другой.

Засунув два пальца в рот, он закричал, как испуганный и улетающий дятел. Издали ему ответил такой же крик.

– Хорошо, – сказал первый всадник. – Но когда так, почему же никто не является?

– Ты это узнаешь, – сказал другой, сжав бока лошади своими большими, угловатыми ногами.

Бедное животное заржало от боли, и тотчас послышался крик дрозда. Оба путешественника с живостью стали осматриваться по сторонам.

– Будем внимательны! – сказал один. – Нас предупреждают, что кто-то едет по одной дороге с нами. Поедем потихоньку и пропустим этого путешественника.

Точно будто в этот вечер все необыкновенное должно было происходить у Франшарских ущелий. Только что последний крик дрозда пронесся по вереску, как еще один всадник показался слева, выехав из покрытой травой тропинки.

Судя по его наружности, это был богатый мещанин. Вероятно, он знал эту местность, иначе каким образом отважился он пуститься в такой час в место, пользовавшееся такой дурной славой? Беспokoйству следовало приписать и удары хлыстом, которыми он наделял свою лошадь. При криках дятла и дрозда добрый мещанин остановился на минуту.

– Дрозд в этот час! – заворчал он сквозь зубы. – Деревьев здесь нет, а крик дятла... что-то неладно!...

После этого монолога он осмотрелся вокруг и только тогда заметил двоих всадников. При виде их он сделал нерешительное движение. Но так как вдали позади них виднелся дым гостиницы, это придало ему мужества, и он храбро пустился в путь. Лошадь, несмотря на то что хозяин подбадривал ее, ехала рысью. Как медленно ни ехала она, но скоро догнала незнакомцев. Мирный гражданин собирался сделать им самый любезный поклон, но слова замерли у него на губах, а рука остановилась на полдороге. Он невольно задрожал.

Однако в обоих этих всадниках не было ничего, что могло бы возбудить такой испуг. Костюмы их были очень обыкновенны в Фонтенбло – это была форма императорских охотников. Ничего не могло быть естественнее, что эти два охотника по прихоти или по случайности отделились от охоты. Однако, несмотря на все доводы, какими успокаивал себя добрый гражданин, он невольно задрожал и не мог отвести глаз от этих двух незнакомцев.

У одного был нос такой длинный, что он как будто составлял клюв хищной птицы с острым и выдающимся подбородком. Между этим носом и подбородком не было губ, так сказать, а огромный, насмешливый и жесткий рот.

Другой незнакомец, мрачный и угрюмый, скрывал свои черты под широкими полями шляпы. Он был молод, судя по его изящному стану. Его самоуверенные движения и резкие слова говорили о том, что он имел привычку получать повиновение при малейшем знаке. Этот последний, очевидно, был главным, придумывающим, приказывающим и обсуждающим. У обоих на боку висел длинный нож в кожаных ножнах. Оружие это было обычно для их охотничьего костюма, однако глаза мирного путешественника не могли оторваться от него, потому что оба ножа были украшены оригинальным рисунком, придававшим ножу что-то зловещее. Это были действительно охотничьи ножи, но ножи необыкновенные, непохожие ни на какие другие. Нож молодого человека был неимоверно богат, и на нем были вырезаны символические буквы, масонские знаки, может быть. Может быть, также это была каббалистическая фраза, имевшая смысл только для одних посвященных.

С одной стороны ножа виднелась сделанная из массивного золота фигурка с головой, окруженной венцом, опирающаяся на крест и держащая папскую тиару и корону с лилиями. С

другой стороны был изображен в тюрбане и восточном костюме старик с полумесяцем в руке. Вместо пьедестала этим двум фигуркам служили змеи и таинственные буквы.

Полумесяц и крест в одном узоре! Христианство и магометанство подавали друг другу руку! Какое значение придать подобной эмблеме?

Хотя менее богатая рукоятка ножа другого всадника была не менее странная – она состояла из огромного куска слоновой кости, но кусок этот был так тонко вырезан, что искусство прибавило значительную ценность к ее существенной ценности. Соколиная охота особого рода была представлена на этой рукоятке, которая сама представляла эту жестокую птицу с распущенными крыльями, вырывавшую глаза у упавшей газели. Очевидно, эти странные рукоятки имели смысл.

Путешественник, как бы побужденный предчувствием при виде этих незнакомцев и их загадочного оружия, проехал мимо них так скоро, как только могла его лошадь, и исчез около гостиницы, о которой мы говорили.

Глава II

Опасно посылать своего слугу в трактир

Побуждаемый безотчетной боязнью, путешественник быстро доехал до дверей гостиницы. При звуке копыт его лошади на скалистой дороге из гостиницы вышел человек и поспешил помочь ему сойти с лошади. Редко трактирщик видел других посетителей, кроме туристов, которым подавал молоко и вино, а иногда закуску.

– Как? – сказал он. – Это вы, господин Лонге?... По какому случаю? В такое время в Франшар...

Так как ему не ответили – приезжий поспешил войти в гостиницу, не поручая даже своей лошади, – трактирщик продолжал:

– Но что такое с вами?... У вас такой странный вид... Разве не надо задать овса вашей лошадке? Вы ничего не говорите... Отвести ее в конюшню?..

Видя бесполезность всех своих вопросов, трактирщик настаивал:

– Верно, вы потеряли что-нибудь, поэтому у вас такое мрачное лицо?

– Нет, – ответил наконец путешественник, – но встретить людей с таким странным видом, как встретил я, все равно что наткнуться на виселицу.

– Людей с подозрительной наружностью?

– И да и нет...

– Как же это?..

– У них на боку висели ножи такой странной формы, что я невольно дрожу, когда подумаю о них.

– О, как же вы испугались такой безделицы! Разве все эти знатные господа в замке не носят за поясом охотничьи ножи? Ведь император привез нам кучу людей просто в бесстыдных костюмах. Я сам видел человека с престранным ножом с загнутым лезвием, как наши косы. Рукоятка и ножны были до того покрыты бриллиантами, что блестели словно солнце.

Путешественник не слушал, он продолжал свою мысль.

– Скажите, дядя Фрион, – спросил он трактирщика, опускаясь на одну из скамеек, стоявших параллельно у большого стола, разделявшего кухню надвое, – скажите мне, какая погода будет завтра?

– Какая погода? – повторил трактирщик, удивленный подобным вопросом.

– Да, – повторил Лонге, – как вы думаете, будет завтра дождь?

– О, дождя не будет! Может быть, гроза... Но дождя нечего опасаться, тем более что нет еще новой луны.

– Однако среди ущелья я слышал пронзительный крик дятла, показывавший дурную погоду.

– Дятел во Франшаре! – сказал Фрион с недоверчивым видом. – Этого не может быть!

– Однако я слышал... Но это еще не все! Что вы скажете об испуганном дрозде, который вскрикнул так, как будто вылетел из-под ног моей лошади?

– Так поздно! – сказал трактирщик. – Должно быть, у вас была сегодня вечером куриная слепота.

– Это совсем неестественно.

– Вам послышалось.

– Дядя Фрион, – сказал Лонге, как бы боясь, чтобы его голос не услышал кто-нибудь другой. – Это не птицы пели, а говорят, что шайка Кадруса появилась здесь. Тогда вы понимаете...

– Шайка Кадруса! – воскликнул трактирщик. – *Кроты!*

– Да, кажется, недавно один бедный купец, возвращавшийся с меленской ярмарки, был убит при въезде в лес.

– Но Кроты ли Кадруса сделали это?

– Нельзя ошибиться – у несчастного на горле была та необыкновенная рана... Знаете, под подбородком один удар кинжалом, рассекающий горло вдоль. Рана такая глубокая, что жертва всегда сама поглощает свою кровь, она остается внутри.

– Какой странный обычай! – сказал трактирщик, задрожав.

– Так хочет Кадрус, – сказал путешественник, также дрожа, – а когда начальник приказывает, известно, шайка повинуетя. Он хочет, чтобы его жертвы были отмечены.

– Теперь я понимаю, что ваша встреча с незнакомцами вас испугала, а эти необыкновенные крики дятла и дрозда заставили вас призадуматься. Но вот жена моя сейчас воротится с бельем, а мои оба сына придут с поля ужинать. Может быть, Кадрус со своей шайкой не явится распарывать горло такому множеству людей. Они, впрочем, знают, – гордо продолжал трактирщик, – что я отставной солдат и что за камином есть ружья, чтобы вооружить всех.

Это продолжительное исчисление сил, которыми мог располагать трактирщик, по-видимому, оживило мужество Лонге, и он сказал тихо:

– Я сообщу вам о моем деле, дядя Фрион. Сегодня нотариус в Фонтенбло отдал мне деньги за мой саблонский дом.

– Уж не поехали ли вы в дорогу с этими деньгами? – с живостью спросил трактирщик.

– К несчастью, да.

– Не узнаю вашего обычного благоразумия, господин Лонге... Как! Сто тысяч франков в кармане – потому что ведь вы за эту цену продали ваш дом? – и спокойно кататься в такое время во Франшарских ущельях!.. Ну, с вашего позволения, вы верно потеряли голову! А Жан, ваш старый слуга, почему он не с вами?

– Жан, – отвечал домовладелец, – приезжал со мной в Фонтенбло. Вечер был такой душный, что я позволил ему сходить освежиться в трактир, который находится как раз напротив конторы моего нотариуса. Покупатель мой потребовал прибавить несколько новых пунктов к контракту; я остался в конторе долее, нежели думал. Удивляясь, что не нахожу моего слуги у дверей конторы, я сам пошел за ним в трактир. Я нашел Жана за столом вместе с какими-то разносчиками... Он обыкновенно не пьет, а тут находился в самом жалком состоянии. Вино развязало ему язык, и дурак рассказывал им о моей продаже и как я увезу с собою сто тысяч франков, так как завтра же должен буду платить за покупку моего нового дома.

– Ах, старый скот! – вскричал трактирщик. – Экий негодный пьяница!

– Так что я принужден был оставить Жана проспать в трактире и отправиться без него.

– Не удивляюсь более вашему страху. Но для чего же было ехать?

– Надо было. Мне надо быть на маленькой ферме Брежана, которому нужны наличные деньги. Ферма эта только за пол-лье отсюда. Мне хочется приобрести эту ферму; я знаю, что на нее есть другой охотник. Показав наличные деньги, я мог бы получить ее дешево. Этот Брежан задержал меня на три часа; я все думал, что он уступит, а он не поддавался. Наконец запоздно уже должен был я уехать и приметил, что очень глупо потерял время с Брежаном, который все набивал цену по мере того, как я уступал. Воротиться было дальше, чем приехать сюда. Я сказал себе, что заночую у вас, если вы поедете провожать меня с вашими сыновьями. Как вы посоветуете? Что лучше?

Трактирщик подумал.

– Я вам сейчас говорил, – сказал он, – что моя жена и сыновья скоро воротятся; конечно, это помощь... И притом через день у нас бывают дозорные, и сегодня будет дозор.

– Вечерний дозор? – спросил Лонге.

– Да. Вы знаете, – отвечал Фрион, – что через день бригада лесных жандармов проезжает здесь. Сегодня она непременно будет – в лесу большая охота. Поезжайте с нею, а так как бригадир человек добрый, он с удовольствием проводит вас до дома.

– О! Благодарю вас за эту прекрасную мысль, – сказал Лонге, успокоившись. – Решено, я подожду жандармов.

– Пойду задать овса вашей лошадке, – сказал трактирщик, входя в свою роль. – Вам, господин Лонге, что подать?

– Что у вас есть лучшего. Я только теперь чувствую, что ничего не ел с утра.

– Ну и прекрасно! – заключил трактирщик. – Покушайте хорошенько, прежде чем вас съест волк.

Пословица, хотя очень наивная, заставила задрожать владельца ста тысяч франков.

Глава III

В пустыне и камни могут говорить

Пока Лонге беспокоил трактирщика Фриона, два незнакомца продолжали свою безмолвную прогулку. Подъехав к Плачущей Скале, один из всадников сказал резко:

– Смотри!

Другой немедленно сошел с лошади и, приблизившись к источнику, который капля по капле вытекает из-под камня, источника, давшего название этой скале, сказал:

– Они все там. Я сосчитал камешки... одного недостает.

– Как! – вскричал первый всадник. – Недостает одного? Этот проведет неприятный час! – прибавил он с угрозой.

– Он, должно быть, в этом не виноват, – заметил другой, – а то камешек, который предупреждает меня об этом, был бы совершенно повернут к воде, а он лежит к полю... Должно быть, он задержан где-нибудь.

– Позови! – приказал вместо ответа младший всадник.

Его товарищ тихо запел как снегирь. Никто не отвечал.

Во второй раз пение было повторено несколько громче. Опять ничто не показывало, чтобы этот зов был услышан. Однако – странное дело! – вдали кусты вереска зашевелились как бы от легкого ветерка. Но ветра вовсе не было. Тот, кто смотрел бы внимательно, мог бы заметить, как кусты вереска приподнялись, точно будто норы, приподнимаемые огромными кротами.

В третий раз пение зяблика разнеслось по пространству. Тогда скалы и кусты как будто оживились. Человек двадцать, вооруженные с ног до головы, выскочили из-под земли, так что никак нельзя было догадаться, откуда они явились. Они молча стали на краю тропинки. Они держали двух лошадей, полудиких, которые способны были пасть мертвыми от быстроты своего бега. Без сомнения, их нескромного ржания боялись, потому что у обеих лошадей были разодраны ноздри.

– Это что? – спросил человек с повелительным голосом, приметив лошадей.

– На всякий случай... – смиренно ответил тот, кто казался начальником этой безмолвной шайки, выскочившей из-под земли.

– Подойди, Альбинос.

Человек, которого называли Альбиносом – вероятно, в насмешку над его смуглой кожей и черными волосами, – подошел и что-то шепнул на ухо всаднику. Тогда тот сошел с лошади и, сев на одну из приведенных лошадей, сделал знак своему спутнику последовать его примеру. Минутная борьба произошла между всадниками и их новыми неукротимыми лошадьми, но скоро животные успокоились.

– Наши плащи, маски и шляпы! – опять сказал незнакомец.

Один из шайки поспешил принести требуемые вещи. Скоро оба всадника исчезли под широкими складками своих новых плащей и под широкими краями своих шляп; тогда невозможно было угадать их рост и определить возраст, тем более что маски совершенно изменили их лица. Во время этого туалета Кроты – эти люди принадлежали к той знаменитой шайке, которая как будто выскакивала из-под земли – Кроты, говорим мы, хранили глубокое молчание перед своим атаманом. Незнакомец сказал своей шайке повелительным и резким голосом:

– Пусть двое из вас засядут у дороги, ведущей в гостиницу! Трое станут на пятьсот шагов далее. Пройдет женщина с бельем. Пусть ее остановят на полчаса, впрочем, не делая ей вреда. Ее два сына придут несколько позже. Так как они придут издалека, те, кто будет стоять впереди, должны их захватить, а потом возвратить свободу так же, как и их матери. Одного достаточно,

чтобы наблюдать за окрестностями. Теперь все должны исчезнуть. Отправляйтесь к кресту Гарт... Если меня будут преследовать, вы знаете, что вам делать. Пятьдесят тысяч франков будут разделены между Кротоми, если я останусь доволен. Но горе тому, кто покажет себя бесполезным! Особенно чтобы никто, из ложного усердия, не являлся ко мне, не будучи призван. Ступайте!..

Все эти люди исчезли, как пришли, то есть нельзя было угадать, каким образом.

Атаман Кротов и его спутник медленно направились к гостинице Фриона. Через минуту самая однообразная тишина, самое угрюмое безмолвие тяготели над Франшарскими ущельями.

Глава IV

Охота на человека

Никогда не бывало охоты подобной той, которая через час происходила на непроходимых франшарских тропинках. Это не была жестокая свора с кровожадной пастью, гонящаяся за благородным зверем. Это было хуже... Человек гнался за человеком. Это было мщение, преследующее преступление.

Вот что случилось.

Как он и сказал, трактирщик понес овса лошади своего посетителя. Тот при виде вкусной яичницы прогнал свои мрачные опасения. Трактирщик располагал вернуться в дом, когда вдруг его схватили и связали, так что он не успел даже позвать на помощь. Он не мог даже видеть двух человек, которые бросились на него; ему на лицо тотчас надели глухую маску. Впрочем, он и без того не увидел бы ничего, потому что на этих людях тоже были маски. Вероятно, никто не имел умысла покушаться на его жизнь, потому что в маске было сделано отверстие, позволявшее ему дышать, и его только крепко связали, не делая ему вреда.

Видя себя в невозможности пошевелиться или закричать, чтобы предупредить Лонге, трактирщик должен был покориться необходимости. Его положили в углу конюшни, а дверь заперли снаружи.

Чрез полчаса, когда несчастный пленник спрашивал себя, надолго ли оставят его в таком ужасном положении, он вдруг услышал страшный шум. Со всех сторон звали Фриона. Это кричали его жена и сыновья. Голоса их выражали беспокойство и испуг. Шум этот заглушался нетерпеливым топотом лошадей. Несчастный трактирщик делал неслыханные усилия, чтобы освободиться от своих уз. Оставалось только ждать. Наконец кто-то вздумал посмотреть в конюшне. Дверь отперли и Фриона освободили. Потом начались обнимания и ругательства. Радовалось семейство Фриона, ругались жандармы, потому что тут была лесная бригада. Ее присутствие напомнило трактирщику его обязанности.

– А господин Лонге? – вскричал он.

В сопровождении всех он побежал к двери дома и отворил ее. Он остановился в испуге – страшное зрелище поразило его глаза. Лонге лежал на полу мертвый, весь в крови. Он сжимал еще в руке ложку, которою собирался есть яичницу. На шее у него была только одна рана, но рана необыкновенная – печать, налагаемая на жертвы рукой Кротов.

Фрион остановился, на минуту оторопел, но потом энергия старого солдата зашевелилась в нем, и он закричал:

– Они были верхом! Ни один жандарм не должен выезжать отсюда на лошади, потому что он затопчет следы!

Побежав по дороге, он внимательно осмотрел следы, оставленные убежавшими убийцами, и с негодованием честного человека закричал:

– За мной! В погоню! В погоню! Вот следы. Убийцы не могут быть далеко. Выпустите всех моих собак!.. В погоню... В погоню – и смерть убийцам!

Люди кричали, собаки выли, и все помчались как стрела по вереску. Как старый и хитрый сыщик, Фрион, бывший когда-то лесничим, не ошибся.

Так как приказания атамана не могли быть исполнены вследствие непредвиденного прибытия жандармов, Кроты дали знак убийцам, которые теперь скакали, убегая меж скал. Смотри на убийц, закутанных в развевающиеся плащи, на черные гривы их лошадей, можно было принять их за фантастические существа, изобретенные басней. Они перескакивали через кусты, через овраги, через непроходимые чащи. Прогалины сменялись прогалинами, холмы – холмами, но ничто не могло уменьшить дьявольской быстроты всадников.

За ними гнались покрытые пеной и пылью запыхавшиеся лошади жандармов. Потом бежали пешие, выбиравшие кратчайший путь, но страшно утомившиеся. Однако наверху какого-нибудь возвышения появлялись убийцы, насмешливые, иронические и как будто издевавшиеся над теми, кто гнался за ними. Тогда ярость овладевала теми, кто преследовал убийц, и погоня начиналась опять ожесточеннее прежнего.

Однако человеческие силы имеют предел. Трактирщик и его дети должны были остановиться. Даже жандармы, может быть, прекратили бы погоню, которая до сих пор казалась им бесполезной, если бы им не показалось, что лошади разбойников начали уставать. Они были в эту минуту очень далеко на дороге, спускавшейся к кресту Гарта, который ясно виднелся с того места, где находились они. Жандармы не захотели отказаться от погони, не сделав последнего усилия. Пустив своих лошадей во весь опор, они как вихрь пронеслись по холму. Они могли уже примечать почти ясно обоих незнакомцев и их лошадей и уже думали, какую честь доставит им такая значительная поимка, когда вдруг их лошади почти замертво повалились к подножию креста. Перед лошадьми была натянута веревка, но они заметили ее слишком поздно.

Адский хохот послышался в ту минуту когда эти несчастные упали. Тогда из-за каждого дерева около перекрестка, на котором находился крест, вышел вооруженный человек; потом, соединившись, все они сошли по тропинке к берегу и, подняв шапки кверху, закричали:

– Жандармы первой лесной бригады! Нам досталась первая победа, скоро будет вторая! Вы видите, что если бы Кроты хотели вас убить, то убили бы!

И они исчезли в чаще леса.

– Вот и первая победа, – пробормотал Фрион, подоспевший к перекрестку почти в одно время с жандармами, потому что он бежал через лес. – Для вас первая и, может быть, вторая, но за мною будет последняя!

Это был крик охотника, от которого ускользнула добыча.

Глава V

Как девушки вдруг делаются умными под действием электричества

Двор скоро должен был оставить замок. Была большая охота, и последние звуки охотничьего рога только что перестали потрясать отголоски леса.

Был один из тех вечеров, когда ни один лист не шевелится. Солнце не освещает уже вершины леса, но его последние лучи бросали еще яркий блеск.

Этот таинственный час, час неопределенных мечтаний, длинных свиданий наедине, прогулок без цели, слез без причины.

Несмотря на тишину, мало-помалу спускающуюся на окрестности, две молодые девушки, две родственницы, судя по фамильному сходству и нежному общению, стояли у окна Магдаленского замка, прислушиваясь к неопределенному лесному шуму. Нечего было надеяться, чтобы в такое время кто-нибудь решился явиться в замок, красный силуэт которого прикрыт сумерками и который утопает в желтоватых оттенках осенних листьев.

Однако молодые девушки продолжают смотреть на аллею, которая ведет к воротам парка. Они небрежно облокотились о подоконник, утомленные медленно приближающейся грозой и тяжестью атмосферы.

К чему они прислушиваются? Кого они ждут? Никого... Они находятся под магнетическим влиянием вечера. Они находятся в том возрасте, в ту опасную минуту, когда из малейшего столкновения явится для них свет. Они находятся в том неизбежном мгновении, когда невинность краснеет в первый раз. Час роковой, час опасный когда девушка хочет любить, когда она видит мужчину сквозь отблески пылкого воображения; это объясняет странную страсть молодых девушек к недостойным любовникам, часто негодяям, иногда преступникам. Опасность подобного выбора тем сильнее, чем уединеннее живет молодая девушка. Сравнение не смягчает силы первого взгляда.

Таково было положение, в котором находились две хорошенькие девушки, смотревшие из окна Магдаленского замка. Обе сироты и, так сказать, запертые ревнивой опекой дяди, они жили до сих пор вдали от всего. Не зная вовсе света, они смотрели на него сквозь призму молодости и иллюзий, которые могла им внушить библиотека, неосторожно оставленная под их руками...

Тревожась без причины, смотря и не видя, они стояли неподвижно у окна, служившего им рамкой. Они прислушивались к журчанию воды в мраморном бассейне сада, пробуждавшей своей смутной гармонией странные отголоски в детских сердцах. Упоенные душистым запахом, поднимавшимся из цветника, они вдыхали в себя легкий ветерок, пропитанный свежестью реки и время от времени освежавший воздух, отягченный электричеством. Они только что вышли из ванны; их влажные волосы падали тяжелыми душистыми локонами на плечи, едва прикрытые пеньюаром, которому тогдашняя римская мода придавала форму древней хламиды.

Эти очаровательные девушки были до такой степени неподвижны и погружены в созерцание чего-то неопределенного, что под зеленью, обрамлявшей окно, их можно было принять за две статуи. Они имели между собой гармоническое сходство в общих чертах и вместе с тем представляли интересный контраст.

Одна была блондинка, не из тех пошлых блондинок, которые похожи на восковые куклы, но с богатыми формами, и напоминала Велледу, как ее изображают художники, Велледу с большими глубокими задумчивыми глазами, с прозрачными ноздрями, с могучей жизненностью под наружной томностью, под очаровательной резвостью.

С блондинкой Жанной ее черноволосая подруга составляла странную противоположность. С матовой и молочной кожей Мария соединяла самые роскошные волосы, какие только можно вообразить. Когда она улыбалась, ее чувственные губы, красные как самый чудный коралл, показывали зубы, белые как слоновая кость, мелкие, острые, редкие, кошачьи. В порывах ненависти и любви эти зубы должны были любить кусать. Под ресницами, непомерно длинными и отчаянно шелковистыми, блестящие глаза бросали красноватые лучи. Вздернутый, насмешливый нос с широкими ноздрями как будто вдыхал удовольствие. Все в этой девушке показывало горячность южных женщин, которые ко всему относятся страстно.

Смотря на обеих кузин, можно было угадать их будущность. Жанна должна была любить глубоко, нежно, преданно. Мария обещала страсть со всеми ее порывами и упоениями. Первая должна была отдать всю свою душу безвозвратно. У второй любовь должна быть минутным забвением, безумной прихотью. Обманчивая женщина, которая будет смеяться над отчаянием любовника!

Итак, молодая девушки ждали чего-то неизвестного, ожидали неожиданного.

– Боже мой! – прошептала Мария, потягиваясь как кошечка. – Стать молодыми, богатыми, хорошенькими – и не видеть никого, скучать таким образом! Верно, любовники бывают только в романах! Неужели никто сюда не приедет влюбиться в нас?

Жанна не отвечала, но ее меланхолический взгляд задумчиво блуждал, показывая тревожную печаль. Эти юные сердца, никогда не бившиеся ни от чьего взгляда, трепетали от какого-то страстного стеснения.

Гроза приближалась. Вдруг молния прорезала тучу. Грозные раскаты грома огласили окрестность. Запоздавший путешественник спешит искать убежище к ночи. Звери в чаще леса уходят в свои логовища. Птицы прячут носик под крыло. Жанна боязливо прижимается к своей подруге. Гроза подавляет ее подобно тому, как буря гнет тростник. Мария, напротив, бодро поднимает голову, оживляется и с улыбкой смотрит на страх кузины.

– Глупенькая, – говорит она, и глаза ее блестят, – чего ты боишься? Гроза так красива. Я люблю смотреть, как сверкнет молния и огненная стрела ударит в лес.

Жанна взглянула на нее с чувством удивления к ее храбрости.

– Какая ты отважная! – сказала она. – Иногда я просто тебя боюсь.

Мария бросила на кузину пламенный взгляд.

– Что с тобой? – спросила та.

– Что? – вскричала Мария с внезапным порывом страсти. – Я хотела бы быть мужчиной, чтобы тебя любить! Ты такая хорошенькая, что, будь я мужчиной, наша скука исчезла бы мгновенно. Мы наконец узнали бы любовь, которой жаждем. Дай поцеловать тебя! Мне надо кого-нибудь поцеловать!

Она обняла Жанну, улыбающуюся ее восторженности, и осыпала страстными поцелуями лоб, глаза и шею кузины, нашептывая прерывающимся голосом:

– Будь я мужчиной, моя Жанна, мы были бы очень счастливы и то и дело ласкали бы друг друга. Дай мне еще обнять тебя! Кажется, я сейчас умру.

– Ты сходишь с ума, Мария!

– Господи! Как твой муж будет в тебя влюблен! Почему я не могу быть твоим мужем! Ты прелестна, дай же мне на тебя полюбоваться! Я хотела бы... кажется, я хотела бы укубить тебя! – вдруг вскричала пламенная Мария, как бы увлеченная внезапным порывом страсти, но тотчас опомнилась и покраснела.

Жанна убежала от нее в испуге.

– Ты боишься меня? – сказала Мария. – Ты меня более не любишь?

– Люблю, но ты наводишь на меня страх. Ну как ты вдруг окажешься мальчиком! – заключила она наивно.

Мария захохотала. Она только что собиралась подразнить кузину еще, когда конский топот раздался по дороге. Девушки замолкли и прислушались с замиранием сердца.

– Не они ли? – шепнула Мария на ухо подруге.

– Кто – они? – спросила Жанна.

– Да неизвестные, которых мы ожидаем так давно.

Два всадника появились на повороте дороги.

Глава VI

Как один человек наделал хлопот императору Наполеону

Всадники, приближение которых услышали молодые девушки, огибали поворот дороги. Они ехали медленно, но пот лил с них градом. Их лошади, напротив, смотрели бодро, точно сейчас только были выведены из конюшни. Немудрено – эти два всадника были начальниками Кротов, разбойников Франшарского ущелья. Чтобы сбить с толку погоню, они переоделись и только что переменили лошадей. Они ехали с непокрытой головой. Кузины едва увидели мельком на повороте их темные силуэты, выделявшиеся на лазури небосклона, когда те мгновенно скрылись опять в изгибах дороги, чтобы показаться вновь не далее тридцати шагов от окна. Деревья скрывали их все время от любопытных глаз молодых девушек.

Один из всадников, молодой человек, у которого был нож с серебряной рукояткой, имел вид гордый, черные волосы, высокий и открытый, слегка округленный лоб и тонкие, черные брови, образовывавшие одну резкую прямую черту на матовой белизне цвета кожи – черту странную, придававшую что-то роковое этому характеристическому лицу. Глаза имели точно металлический отблеск золота – настоящие глаза сокола, со взором неподвижным, сверкающим, магнетическим. Нос орлиный, но красивый и правильный, придавал лицу отпечаток жестокости, свойственный племенам охотников и воинов, но рот с изящным очертанием губ и грустной улыбкой изобличал нежность. Округленный подбородок с прелестнейшей ямочкой сглаживал резкость некоторых других черт. Все вместе дышало силой. Если, с одной стороны, в этом лице ясно высказывался дух кровавых битв, то с другой – на нем отражались нежное сердце, добродушие и возвышенный ум. В этой избранной натуре, должно быть, вечно боролись два начала: ненависть и любовь, милосердие и жестокость, месть и помилование. Наружность этого молодого человека изобличала характер возвышенный, отсутствие всего пошлого. Его всякий счел бы за дворянина, судя по врожденному благородству осанки, изяществу и ловкости, с которыми он управлял своей горячей лошадей. Все в нем пленяло и очаровывало, черты поражали и останавливали взор, фигура приковывала глаз художника, ширина плеч скрывалась правильностью очертаний, стан был строен и гибок, нога безукоризненна и с сильными мышцами от бедра до пятки; наконец, рука вполне аристократична.

И этот человек, так щедро одаренный природой, только что убил несчастного собственной рукой!

Это был разбойник Кадрус, предводитель страшных Кротов, шайки убийц, которая опустошала Францию.

Почему же на нем был охотничий костюм и нож, как будто он принадлежал к числу приглашенных в Фонтенбло охотиться на косуль? Это сильно удивило бы тех, кто мог видеть, какого рода зверь пал под его ударами час назад.

Его спутник и помощник составлял с ним резкую противоположность. Пусть представят себе Дон Кихота в образе остроумного гасконца, враля и хвастуна, высокого и сухощавого, но мускулистого и сильного, точно железный остов. Ноги цапли, узловатые и некрасивые, однако, были наделены редким проворством и такой изумительной силой, что могли, стиснув лошадь, задушить ее. Руки казались руками остова; кожа на них имела вид футляра из пергамента, надетого на кости. Платье болталось на туловище, и нельзя было угадать, есть ли под ним кровь и плоть. Так и сдавалось, что там просто палка, которая заменяет спинной хребет горохового пугала. Наконец, верх совершенства этой угловатой природы – голова узкая и длинная, как лезвие ножа, представляла очертания немислимые и фантастические. Черты лица точно будто сталкивались в безумной скачке, и с какой стороны ни гляди, все казалось, что видишь их в

профиль. С этой физиономией, лукавой, насмешливой и далеко не обыденной, можно было позволять себе эксцентричность самую сумасбродную.

В силу украденных бумаг де Фоконьяк (имя, принятое этим странным лицом) носил титул маркиза. Невзирая на свое сходство с героем Сервантеса или, быть может, именно вследствие этого он имел вид настоящего вельможи. Он принадлежал к числу людей, которые могут носить старомодное платье, высказывать самые уморительные притязания, позволять себе самое отчаянное буффонство и не казаться смешными. Можно было смеяться над его сумасбродными выходками, но никак не над ним. Склад его ума и обращение носили отпечаток времен регентства. Этим сглаживалось все.

Де Фоконьяк был одет, как одевались за десять лет перед этим, во время Директории, щеголи под названием «невообразимых». Костюм его был богат. Цветом и покроем он представлял преувеличение устаревших сумасбродных мод, но тем не менее производил большой эффект и шел ему как нельзя лучше. Панталоны светло-желтого цвета из симилора и полированной стали украшались по обеим сторонам бесчисленными брелоками. Затем фрак яблочного цвета, с талией между лопаток, заканчивался предлинными узкими фалдами, точно два хвоста ящериц, и лиловый жилет покрывал своими чудовищными отворотами часть фрака, каждая пуговица которого состояла из женского портрета под стеклом и в медном вызолоченном ободке. В минуты откровенности де Фоконьяк скромно сознавался, что эти миниатюры были трофеями его побед над прекрасным полом..

– Впрочем, – прибавлял он, – не думайте, чтобы случайная прихоть разместила эти воспоминания в том порядке, в каком они теперь. Портреты женщин, которых я любил наиболее, пришиты здесь, на моем сердце. – И он указывал на левый отворот фрака. – Портреты тех, кто мне надоедал, – продолжал он, – я ношу на спине. А негодницы, которых я презираю, сидят на концах фалд и болтаются у меня сзади.

Эти слова характеризуют человека.

Таковы были два предводителя шайки Кротов, историю которой мы изложим в двух словах. Эта шайка разбойников, бесспорно, наделала наиболее хлопот полиции Фуше во время Директории, консульства и империи. Предводитель ее был бы известен не менее самых знаменитых разбойников, если бы газетам не было запрещено писать о нем. Шайка Кротов была известна только вне Франции, так как иностранные газеты долгое время заполняли свои столбцы ее бесчисленными подвигами. Во Франции о ней с умыслом хранили молчание и говорили только в высших сферах да в тех краях, где она производила опустошения. В эпоху, к которой относится начало этого рассказа, она обошла юг, восток и запад; везде она была ужасом богатых, отчаянием жандармов. Поймать ее оказывалось невозможно; она была неуловима. Крестьяне называли ее шайкой Кротов, потому что подобно кротам разбойники скрывались и точно будто исчезали под землей.

Они опустошили окрестности Тулона, Марселя и Ниццы с неслыханной дерзостью; они даже ограбили дом морского префекта, в Тулоне похитили любовницу главного комиссара, сожгли шесть домов и волновали город в течение целой ночи. В Марселе повторилось то же. В Ницце произведены были похищение трех банкиров, а в одном ущелье победоносно отражено нападение двух батальонов пехоты, хотя и с потерей девяноста человек убитыми и двухсот шести ранеными. Потом в Альби разбойники ограбили казначейство и застрелили жандармского капитана, который побоями хотел вынудить пастуха дать о них сведения.

Словом, шайка Кротов распространяла ужас повсюду и нарушала общественные права, невзирая на полицейскую власть.

Наполеон стал обращать на них внимание все более и более. В один вечер он прочел отчет о сражении между ними и отрядом солдат или жандармов в сто восемьдесят человек, которые были окружены и вынуждены были сдаться. Он пришел в негодование и приказал созвать военный совет, чтобы судить офицеров, командовавших отрядом. Прения показали, что офицеры

и солдаты исполнили свой долг. Полковник, который председательствовал в совете, объявил, что если бы даже целый полк находился в западне, куда заманили отряд, то и он должен был погибнуть или сдаться. С этим мнением все согласились единодушно.

Наполеона это взбесило еще пуще. Он принял дело к сердцу. Великодушие, оказанное при этом случае атаманом разбойников, раздражило императора до крайней степени, так как оно приобретало ему сочувствие простого народа. Кадрус – так звали атамана – требовал, чтобы отряд сдался без всяких условий. Можно было думать, что он переколет всех до одного. Ничуть не бывало! Он только обобрал боевые снаряды и штыки, оставил солдатам ружья и выпустил их из ущелья, где они были заперты, снабдив лошадьми для раненых. Когда отряд выходил из ущелья, он увидел пятьдесят человек в масках, выстроенных в две шеренги. В их главе был Кадрус, при нем его помощник. Разбойники имели молодеватый вид и были вооружены карабинами со штыками. По знаку атамана помощник скомандовал, и победители отдали честь побежденным. Конечно, это поразило и тронуло солдат.

Слава Кадруса возросла до громадных размеров, и вся Европа занималась им. Английская журналистика воспользовалась этим обстоятельством, чтобы утверждать, что власть Наполеона слаба в самой Франции. В карикатурах представляли Кадруса, предписывающего консулу законы. Раздраженный донельзя, Наполеон послал Савари ловить его, и Кадрус прокатил Савари по всей Франции, водя его за нос и ускользя, как угорь.

В одну из ночей Савари был похищен. Предводитель Кротов с маской на лице принял его в замке, который занял военной силой, и дал ему пир на славу: обед, бал, театр и фейерверк. Это была неслыханная дерзость. Замок, занятый с девяти часов вечера, охранялся разбойниками всю ночь. Тридцать пленников да около двадцати пленниц, забранных без большого разбора для этой именно цели, должны были способствовать оживлению пира. Кадрус поклялся честью, что никому не будет сделано вреда; все знали, что он никогда не изменяет своему слову, и веселились от души, за исключением, конечно, виновника торжества, Савари.

Три бригады жандармов обступили замок к концу бала и были отражены в мгновение ока. Им пришлось ретироваться. Незадолго до рассвета Кадрус сделал по подарку каждой паре танцующих, простился с Савари и уехал.

Эта смелая выходка наделала много шума. Савари заболел горячкой и чуть не умер. Можно представить себе бешенство императора. Он, который раздражался сопротивлением даже королей, не только не имел власти над простым атаманом разбойников, но еще им же был побежден!

После этого последнего подвига Кадрус исчез со своею шайкой на целый год. Он объявил, что отправляется в Италию и дает отпуск своим людям, но с 1 мая 1804 года снова приступит к тому, что называл *войной против общества*. Действительно, 1 мая он начал ее мастерской штукой на открытой местности среди равнины Боса, не оставив по себе никаких следов.

В Кадрусе было всего оригинальнее его притязание на честность. Он издавал прокламации. В них он высказывал, что вправе брать у общества, что оно может дать, сам же не признавал за собой никакого долга по отношению к нему. Он объявлял войну общественному строю и называл себя таким же властелином своих пятидесяти разбойников, каким был Наполеон у миллионной армии. Эти софизмы забавляли философов.

Великодушие Кадруса восторгало женщин. Это был поэтический разбойник. Наконец, бедный люд очень любил его за то, что он нападал только на богатых. Словом, он пользовался общим сочувствием. Он имел правилом убивать только при последней крайности. Он щадил свои жертвы, щадил солдат, льстил жандармам и печатал реляции. В этих реляциях, распространяемых в большом количестве, стояли выражения: «Храбрые жандармы...», «Бригада с мужеством, достойным лучшего успеха...», «Кадрус, к искреннему своему сожалению, был вынужден открыть огонь по таким достойным противникам, но прекратил его при первой возможности...»

В сущности, жандармы уважали его и были ему благодарны. Его ум и отвага пленяли всех. Однако о нем рассказывали также нечто, имеющее черты ужасающего зверства. Иногда находили человека, зарезанного известным образом. Рана постоянно оказывалась на одном месте и одного объема – точно у барана, зарезанного на бойне мясником. Народ говорил, что в шайке есть разбойник, вооруженный ножом мясника, и что у его жертв всегда перерезано горло. Некоторые полагали, что это сам Кадрус. Чтобы согласовать это с человеколюбием, которое он нередко оказывал, утверждали, что эти убийства, совершенные из мести, нечто вроде грозной вендетты. Как бы то ни было, многие стали называть его *Человек с ножом*, и вскоре это прозвище принято было всеми. Когда после довольно продолжительного отдыха шайка Кротов заявила свое присутствие в Босе с большей смелостью, чем когда-либо, Наполеон позвал Фуше и дал ему строжайшие предписания.

Фуше ответил прямо:

– Ваше величество, Кадрус человек гениальный. Я изучаю его тактику целых шесть лет.

– И вы сомневаетесь в успехе?

– Он человек удивительный, никогда не повторяется и ускользает от всякого наблюдения и всякого анализа.

Император был поражен словами Фуше. Он опять прибегнул к Савари, хотя не пощадил его при первой неудаче. Герцог Отрантский употребил все средства. Иногда до пяти тысяч человек стояло по окраинам Боса наготове, чтобы идти окружить Кадруса. Но вдруг в самый разгар этой охоты за ним он появляется в лесу Фонтенбло, близ местопребывания императора. Мы видели его первое убийство. Легко представить себе гнев императора.

Надо сказать, что Кадрус, назвав себя кавалером де Каза-Веккиа, втерся ко двору. Его помощник под именем маркиза де Фоконьяка добился, так же как и его друг, приглашения на охоту. При поиске доступа ко двору Кадрусу пришла в голову гениальная мысль. Он очень заботился о своей репутации и был влюблен в свою собственную славу. Он поклялся, что превзойдет Картуша и Мандрена. Он имел все надлежащие бумаги для доказательства своих прав на титул, который принял так же, как и доказательства прав друга, которого по-настоящему звали Бланше, на принятую им фамилию де Фоконьяк.

В Неаполе настоящий кавалер де Каза-Веккиа и маркиз де Фоконьяк поссорились за общим столом в присутствии Кадруса и его помощника, прибывших для изучения образа действий неаполитанских бандитов. Кадрус был принят с торжеством всеми бандитами в королевстве. Он уже собирался ехать в Рим, где впоследствии просил аудиенции у папы, когда в его присутствии завязалась эта ссора. Де Фоконьяк подстрекал противников едкими насмешками. Но дуэль в Неаполе запрещалась, и найти секундантов было нелегко. Де Фоконьяк, или вернее Бланше, служил секундантом тому, имя которого он похитил впоследствии. Жорж Кадрус был секундантом кавалера. Дрались на пистолетах. Противники, ожесточенные друг против друга, стреляли одновременно на расстоянии десяти шагов. У одного разнесло череп, другому пуля пронзила грудь. Оба пали наповал.

Жорж и его приятель скрыли тела и возвратились в гостиницу. Овладев бумагами убитых, они отправились в Рим собрать сведения о их положении в свете. Никаких препятствий не оказалось, чтобы выдать себя за них. Кавалер де Каза-Веккиа, незаконный сын без состояния, вел жизнь очень скромную. Он получал через банкира тысячу пятьсот фунтов в год и жил, как живут в Италии, где содержание так дешево. Кадрус известил банкира, что он получил большое наследство и попросил его копить выплачиваемую ему пенсию. Он подписался рукой кавалера и принял меры, чтобы мнимое наследство имело вид вполне правдоподобный.

Относительно де Фоконьяка дело оказалось еще проще. За исключением дряхлого старика дяди, ни одного родственника. Бланше, надо сказать, довольно походил на того, чью фамилию наследовал. Он дал пройти году, другому, отлично гримировался, придал себе над-

лежащую физиономию и приехал обнять мнимого дядю. Тот не мог надивиться, что племянник так похудел, но этим замечанием и ограничился.

Шутка была сыграна. Никто не мог оспаривать у двоих обманщиков принятые ими титулы, фамилию и положение в свете. Снабженный неподдельными бумагами, Жорж Кадрус доказал, что он кавалер де Каза-Веккиа, незаконный сын князя того же имени; де Фоконьяк, с короной маркиза в своем гербе, дерзко потребовал доступа ко двору, принят был с радостью и жил роскошно.

Наполеон имел слабость окружать себя дворянами, и два разбойника в роли дворян встретили отличный прием в императорском дворце. Вот какова была шайка Кротов с их двумя предводителями.

Глава VII

Кадрус, щедрый на удары ножа, вздумал поднести розу молодой девушке

Всадники разговаривали не о преступлении, которое было совершено. Они не думали о нем, и пролитая кровь не тяготила их совесть. Говорили они о любви. Электричество действовало на Фоконьяка, вообще очень влюбчивого.

– Слушай-ка, Жорж! – вскричал он вдруг с сильным гасконским акцентом.

Кадрус, который ехал в задумчивости, поднял голову.

– Чего тебе? – спросил он.

– Я думаю, что чертовски жарко! У меня по всему телу точно мурашки бегают, и колет, и жжет, и я сам не свой.

– Это гроза, – спокойно ответил Жорж.

– Пусть будет гроза, а все же я весь горю, я пламенею...

– Еще бы! – вскричал Жорж, смеясь.

– И вечно! Но сегодня я тебе предложу вещь отличную. Знаешь ту красотку, которая...

Жорж презрительно пожал плечами.

– А ведь миленькая!

– Я не спорю.

– У нее прелестная подруга.

– Ну, пожалуй, – согласился Жорж.

– Любезный друг, ты говоришь о любви как о приеме лекарства! – воскликнул де Фоконьяк, почти оскорбленный.

– Не повторял ли я тебе сто раз, что смотрю на подобную любовь как на удовлетворение потребности.

– Оно тебе, по-видимому, очень неприятно.

– Потому что я мечтаю о лучшем.

– О чем же?

– Я хочу, чтобы любили меня самого! – ответил молодой человек нараспев.

– Какой вздор!

– Разве не убийственно, – продолжал Жорж, понизив голос, – что женщина без ума от кавалера де Каза-Веккиа и отталкивает его с отвращением, когда узнает, кто носит это имя?

– Что тебя заставляет выдавать тайну?

– Все и ничто.

Де Фоконьяк, по-видимому, искренне любил друга. Он принял грустный вид и замолчал. Тот опять задумался. Вдруг гасконец увидел двоих девушек.

– Гм-гм! – прочистил он горло. – Жорж, посмотри, какие красавицы! Постарайся, чтобы они полюбили тебя самого, и ты узнаешь счастливые часы.

Жорж не ответил. Он играл розой, которую держал в руке. Поглощенный собственными мыслями, он ничего не видел и не слышал.

– Взгляни же на красавиц, говорю тебе, – повторил де Фоконьяк. – Выпрямись, подбери поводья и выкажи все твое искусство и грацию этим прелестным созданиям. Вот, следуй моему примеру!

Алкивиад гордо выпрямился и принял самую приятную улыбающуюся мину.

Только тогда Кадрус бросил рассеянный взгляд на балкон. В ту минуту Жанна и Мария, побуждаемые жгучим любопытством, высовывали из окна свои хорошенькие головки. Взоры

двух девушек встретились с его взором. Глаза молодого человека сверкнули, лица кузин точно будто озарились мгновенным пламенем, вспыхнувшим в серых зрачках Кадруса.

Страсть, долго сдерживаемая, имеет свои потрясающие громовые удары, подобно тому как накопление электричества разряжается грозой. Между двумя прелестными девушками и красивым молодым человеком произошло нечто вроде электрического сотрясения, силы неудержимой. Жанна едва устояла на ногах; она побледнела и приложила руку к сердцу, чтобы сдержать его ускоренное биение. Яркий румянец разлился по смуглым щекам Марии. Лицо Жоржа осталось неподвижно, только его лошадь изобличала силу удара, нанесенного седоку. Сдавленная между железных колен и затянута поводом от судорожного движения руки, она сделала отчаянный скачок.

Молодые девушки вскрикнули. Окно не было настолько высоко, чтобы Жорж не мог достать до него рукой. Он мгновенно остановил лошадь и вынудил ее стать как вкопанную, хотя она еще вся дрожала и фыркала. Удивленный де Фоконьяк молча смотрел на эту сцену.

Жорж медленно повернул голову к двум девушкам; они инстинктивно прижались друг к другу. Окинув их пламенным взором, от которого они затрепетали, он быстро подъехал вплотную к стене и подал Жанне розу, которую держал. Она приняла ее, не сознавая, что делает, и молодой человек ускакал как стрела.

Жанна вспыхнула от восторга. Мария побледнела от досады. Мог ли де Фоконьяк пропустить такой удобный случай выказать свою изысканную любезность? Он проворно сорвал цветок с куста шиповника, росшего у дома, и последовал примеру друга, но, подав свой цветок, послал ему вслед самый нежный поцелуй на кончиках пальцев.

Очень довольный собой, он грациозно округлил руку, закрутил самыми убийственными спиралями свои длинные усы и погнался за Жоржем, облизываясь, как кот, который сунул морду в сливки.

Глаза молодых девушек не отрывались от удаляющихся всадников, пока они не скрылись у них из вида.

Глава VII

Кадрус заставляет офицеров его величества заплатить за сведения, которые доставил ему один из его Кротов

Разбойники мало-помалу поехали медленнее, шагом после рыси. Гасконец догнал Жоржа.

– Ну, мой добрый друг! – сказал Фоконьяк своему спутнику, как только они отъехали довольно далеко от балкона.

– Что – ну?

– Ну, нежный друг, мне кажется, что я тебя поймал. Никогда не надо бросать ни одного взгляда па прекрасный пол, на этих вероломных существ, которые не хотят любить Кадруса, на этих хорошеньких чудовищ, которые обожают только кавалера Каза-Веккиа... Я вот при первом случае... розы летают по воздуху! Завтра, вероятно, письма пойдут по адресу без помощи почтальона.

– Оставь меня в покое, – сказал Жорж, очевидно раздосадованный замечаниями жителя Лангедока. – Из того, что я послал завялый цветок этим молодым девушкам, какое заключение выводишь ты?

– Но мне кажется, что это довольно ясно.

– Ясно? Как... этой розе, которую я держал в руке, как будто позавидовала белокурая девушка на балконе...

– Ты видишь, я тебя поймал! – с живостью сказал, смеясь, Фоконьяк. – Ты сказал «белокурая», не правда ли?

– Конечно!

– А между тем уверяешь каждый день, что не хочешь бросить ни одного взгляда на этот ненавистный пол, который не хочет любить Кадруса и смотрит только на кавалера Каза-Веккиа?

– Что ж из того?

– А то, что ты назвал ее белокурой девочкой, а в другой заметил цвет волос! Эти два замечания, мой милый, опровергают твое пренебрежение к очаровательному полу.

– Ты мне надоедаешь! – сказал Жорж с нетерпением.

– Вот видишь ли, – продолжал Фоконьяк, – я очень силен в логике, а логика говорит мне еще...

– Что? – спросил Жорж и пристально посмотрел на Фоконьяка.

Этот мрачный взгляд точно уничтожил логику уроженца Лангедока, потому что он не закончил свою мысль. Но хотя он не осмелился высказать ее вслух, однако прошептал отрывочными фразами:

– Я гораздо откровеннее... признаюсь, я обожаю брюнетку и обещаю себе объясниться ей в любви в самом непродолжительном времени... У нее такие густые брови, что, должно быть, много электричества в сердце...

При мысли об удовольствии, ожидавшем его, фаянсовые глаза ловеласа засверкали.

В конце дороги появилась в блестящих костюмах, вышитых золотом, толпа придворных, присутствовавших при императорской охоте. Де Фоконьяк принял хвастливый вид, который взгляд Жоржа заставил его оставить, и опять начал играть роль маркиза.

В эту минуту послышался голос. Жорж и Фоконьяк повернули головы. Подъехал ординарец гофмаршала. Жорж принял равнодушный вид, Фоконьяк – вид достоинства. Поручик, любезный с противником, побежденным в игре, сделал ложному маркизу самый любезный поклон, так же как и Жоржу.

«Маленький поручик, которому я нарочно проиграл вчера триста луидоров, чтобы разыграть роль знатного вельможи», – подумал де Фоконьяк.

– Вы потеряли охоту, господа! – сказал тот.

– Боже мой! – сказал Фоконьяк.

– Вот часть охотников возвращается, – сказал поручик. – Как только я увидел вас, то опередил, чтобы сообщить вам новость.

– Какую?

– Обер-егермейстер так дурно распорядился, что охота не удалась.

– Бедный обер-егермейстер!

– Император взбешен.

В эту минуту вдруг появился нищий, которого всадники не могли приметить за извилинами дороги. Жорж и Фоконьяк бросили на него проницательные и недоверчивые взгляды и даже внимательно прислушались к гнусливому голосу нищего.

– Подайте Христа ради, добрые господа! Я вас не забуду в моих молитвах и буду просить Бога, чтобы Он дал вам место в своем раю.

Де Фоконьяк засунул руку в огромные карманы, украшавшие не менее огромный жилет. Он вытащил из кармана кошелек, а из кошелька одно су и положил в руку нищего с таким величественным движением, как будто это была необыкновенная щедрость. Нищий взглянул на монету и таким же тоном, каким просил милостыню, сказал:

– Ах, мои добрые господа, и бедный человек может остаться честным! Никто не должен говорить, что я, бедняк, воспользовался ошибкой...

Он поднял вверх монету.

– Неужели я ошибся? – сказал Фоконьяк. – Уж не наполеондор ли это?

– Нет, – ответил нищий. – Вот почему я говорю, что ваша сострадательная душа не могла иметь намерение дать мне простое су.

– Это правда, приятель, совершенная правда! Твое замечание исполнено здравого смысла. Очевидно, что человек, принадлежащий к фамилии Фоконьяк, мог только по ошибке предложить такое ничтожное приношение.

Засунув снова свои длинные, костлявые пальцы в неизмеримую глубину своего огромного кошелька, он с большим трудом выбрал монету в десять су и отдал ее нищему. Тот снова повертел в руках эту монету и продолжал своим гнусливым голосом:

– Господь возвратит ее вам сторицей, добрый барин! Обратите внимание на меня, добрый барин, я буду к вашим услугам.

Тон этих последних слов пробудил внимательное подозрение Жоржа, который до сих пор мало обращал внимания на бормотание нищего.

– Подойди сюда, приятель, – сказал он, вложив наполеондор в руку старика-нищего. – Какие услуги можешь ты оказать, мой милый? – прибавил он, смотря на него пристально. – Мне любопытно это узнать...

Как бы дорожа временем, нищий не дал закончить фразу.

– Ах! – сказал он плаксивым тоном стоящих у церковных дверей. – Ах, мой добрый господин, бедный Жан не очень силен и не очень ловок. Он может дать хороший совет и сказать вам, например, что на дороге нет рытвин и что путь безопасен.

– Жан! – сказали в один голос Жорж и Фоконьяк. – Тебя зовут Жаном?

– Ах да, мои добрые господа! – продолжал голос, все более и более гнусавый. – Вы меня знаете, может быть? У меня были счастливые дни. Я не всегда был нищим. Но посмотрите на меня хорошенько. Мои советы хороши, хоть одежда стара.

Когда кавалькада приближалась, нищий опять заплакал:

– Теперь дороги хороши! Такие господа, как вы, могут ходить не боясь ничего, когда несчастные молят Бога сохранить мир душам, таким сострадательным, как ваша.

Настойчивость, с какой нищий говорил о безопасности дорог, и некоторые двусмысленные фразы заставили двоих начальников узнать в нем переодетого Крота, пришедшего уведомить их, что жандармы сбились с пути.

– Хорошо! – сказал Жорж. – Мне так же мало нужды до твоих извещений, как до свиста дрозда или до крика дятла. Отправляйся к черту, попрошайка! Ты получил милостыню, не надоедай нам больше.

Кавалькада догнала Жоржа и присутствовала при этой сцене. Придворные были свидетелями щедрости последнего – нищий держал монету в руке.

– Черт побери! – сказал один из приехавших, с золотом по всем швам. – Какая щедрость! Вы балуете этих негодяев, маркиз! – обратился он к Фоконьяку.

– Что же делать, полковник? – скромно ответил уроженец Лангедока. – Благотворительность – моя слабая сторона; не могу видеть нищеты без того, чтобы сердце мое не облилось кровью. Я даже так сострадателен, что сам прошу милостыню для бедных, и в доказательство этого прошу вас участвовать в нашем добром деле. Пусть нищий помнит навсегда свою счастливую встречу с нами. – И, не ожидая ответа, де Фоконьяк сказал нищему: – Подойди сюда, приятель, подойди сюда, не бойся! Эти господа желают тебе добра. Протяни твою суму... у тебя ее нет? Протяни шляпу, когда так, словом, протяни что хочешь. Эти господа почувствуют к тебе большое расположение, когда узнают, что ты служил при Фонтенуа.

«Приятно сыграть шутку с этими франтиками!» – подумал он.

Жорж подхватил на лету брошенный ему мяч.

– Господа, – сказал он, – моя щедрость объясняется моим участием к этому человеку. Он был покрыт ранами, сражаясь при Фонтенуа за монархию. Правда, тогда царствовал Бурбон, но что за нужда? Служа королю Людовику Пятнадцатому, этот человек служил Франции так же, как, служа империи, вы ныне служите Франции! – Обернувшись к нищему, он спросил его: – Ты при Фонтенуа лишился левой руки?

– Да, добрые господа, при Фонтенуа, – ответил калека, протягивая шляпу.

А сам между тем думал: «Пожалуй хоть при Фонтенуа, а все-таки тяжело, когда левая рука так крепко привязана, что совсем онемела... Уж как находчив наш атаман!»

Каждому известно, какими глазами дворянство, созданное императорской шпагой, смотрело на дворянство старое, собиравшееся около престола. Поэтому, не желая отстать от благородных имен Каза-Веккиа и Фоконьяка, полковники и бароны империи поспешили присоединить свое приношение к милостыни Жоржа и Фоконьяка. Потом, простившись, они продолжили свой путь.

Они были уже далеко, а все еще слышался голос нищего, говоривший:

– Будьте спокойны, добрые господа. Господь вам заплатит... мои добрые господа... Господь...

Видя, что на дороге нет более никого, он прибавил:

– Дураки... атаман всех вас перережет!

Потом, возвратив свою руку как бы по волшебству, негодяй захохотал, убегая под деревья, – он получил более десяти наполеондоров.

Глава VIII

Жанна, желая выйти замуж, хочет иметь мужа по своему вкусу

Как только оба всадника исчезли, между молодыми девушками произошла сцена по наружности незначительная, но положившая начало страшной борьбе между ними.

Мария посмотрела на цветок Жанны, потом на свой и почувствовала сильную досаду. Она выбросила свой цветок в окно с презрительной гримасой. Жанна казалась удивленной.

– Что с тобой? – спросила она.

Но в глубине души она угадывала. Мария, с полураскрытыми губами, сжав зубы, с бледностью на щеках, со сверкающими глазами, не отвечала. Жанна тихо подошла к ней.

– Что с тобой? – повторила она.

Мария бросила на нее грозный взгляд.

– Ты лицемерка! – вскричала она.

– Что я сделала? – спросила Жанна.

– Ты отняла его у меня.

– Кого?

– Его! Не притворяйся, будто не знаешь.

– Ты говоришь об этом молодом человеке?

– О ком же мне говорить?

– Я вовсе не отнимала его у тебя, он обратился ко мне... случайно...

– Ты лжешь! Он долго на нас смотрел. Я тебя ненавижу!

Жанна заплакала. Рассерженная Мария несколько минут не останавливала ее рыдания, потом вдруг подошла к ней и поцеловала.

– Я была не права, – сказала она. – Но я взбесилась. Проезжают два всадника. Один такой красавец, что можно сойти с ума, глядя на него. Он объясняется тебе в любви, подавая розу и бросая на тебя страстный взгляд. Другой безобразен и обращается ко мне. Это ужасно, знаешь ли!

– Почему знать, любит ли он меня? Его выбор был сделан случайно.

– О! – сказала Мария. – Я не ошиблась. Тсс! Вытри глаза! Я слышу шаги твоего дяди.

Действительно, дядя молодых девушек постучался в дверь. Гильбоа был маленький, кругленький человечек, шарик. В нем не было ни углов, ни шероховатостей, а все гладко и мягко. Голова у него была большая, ноги короткие, но толстые. Лицо походило на полную луну. Нравственно Гильбоа был сговорчив, кроток, сладкоречив. Его добродушие вошло в пословицу. Голос у него был пронзительный, но ласковый, рот губастый, но улыбающийся, движения тяжелые, но лукавые. Он казался олицетворением чистосердечия, щедрости, бескорыстия, о нем говорили: «Это самый услужливый человек на свете».

Однако во взгляде его было что-то фальшивое. Но взгляд этот можно было видеть не иначе как сквозь синие очки. Жир скрывал его черты, отнимал у них настоящее их выражение и сбивал с толку наблюдателя. Счастливы жирные люди! Им нельзя не доверять. Полное лицо внушает доверие. Однако человек проницательный, заинтересованный в изучении, угадал бы под жиром в лице Гильбоа некоторые линии, которые, по словам Лафатера и Галя, показывают энергичную волю, жадность, лицемерие. Потом на черепе были шишки, на черепе плешивом, где френолог прочел бы тайные пороки. Но френологов мало, мало и людей проницательных, а дураков много. И эти дураки поддавались приемам и обращению Гильбоа. Правда, Фуше не доверял ему и обвинял его без доказательств, что тот оказал тайные услуги Бурбонам, но Фуше не доверял никому.

Гильбоа успел составить себе большое состояние, наделать множество гнусностей, сохранить всеобщее уважение и даже приобрести хорошую репутацию. Ходили слухи... но о ком не говорят? Большинство не верило слухам; большинство считало их клеветой.

Вот, однако, что сделал Гильбоа: У него был зять, очень богатый, очень благородный, очень честный и очень добрый... Этот зять поставлен был между двумя огнями: сделаться республиканцем и остаться во Франции или остаться дворянином, но эмигрировать. Он сделался революционером, и однажды его шурин сыграл с ним превосходную шутку. Хотя де Леллиоль, женившись на сестре Гильбоа – неравный брак, оправдываемый изумительной красотой молодой девушки, – хотя граф, говорим мы, обеспечил положение своего шурина, тот не поколебался донести на него в революционный трибунал письмом – анонимным, разумеется, – как на изменника отечеству, переписывающегося с Бурбонами. В бумагах графа нашли письма, компрометиовавшие его. Граф клялся, что он никогда не получал этих писем, что он не знает, как они туда попали. Тем не менее его гильотинировали. Слуга графа уверял, что Гильбоа сочинил эти письма, но потом этот слуга признался, что он солгал. Правда, что этот слуга в одно прекрасное утро так разбогател, что купил хорошенькую ферму; отречение от своего показания принесло ему счастье.

Состояние графа было огромное. Гильбоа был назначен опекуном своей племянницы Жанны де Леллиоль. Мать ее, посаженная в тюрьму тогдашним трибуналом, умерла от горести и тоски. Гильбоа пришлось управлять поземельным состоянием в пять миллионов. Он устроил все так хорошо, что, не дотрагиваясь до наследства своей племянницы, составил себе состояние. Сделавшись поставщиком армии, он приобрел триста тысяч ливров во время республики, где в качестве патриота был очень ценим Комитетом общественной безопасности.

Настала Директория, и он сделался горячим сторонником Барраса. Настало консульство, он сделался восторженным бонапартистом. Настала империя, и не было более горячего приверженца императора, чем он.

Он получал поставку за поставкой, он сделался так же богат, как его племянница, и купил титул барона. Честолюбие у него было необузданное, но он скрывал свои планы чрезвычайно ловко и старательно. Гильбоа хотел быть более, чем искусным капиталистом, более, чем недавно пожалованным бароном. Он говорил себе, что если бы при его состоянии он мог получить состояние своей племянницы, то сделался бы одним из важнейших поземельных собственников во Франции. Кроме того, он всегда имел бы в руках свои огромные капиталы. Он думал, что может получить от императора право носить титул графа, если женится на своей племяннице и будет владеть ее землями. Тогда, употребив свой капитал на обширные предприятия, которые требовали мало надзора, а приносили верные барыши, он чувствовал себя способным сделаться дипломатом и играть роль вроде Талейрана.

Вот каков был этот человек и вот каковы были его планы, планы скрытные, зрело обдуманные и хорошо направленные. Он был не из числа тех людей, которые идут к цели посредством мелких средств. Деньги мало значили для него, когда дело шло о его репутации или о каком-нибудь выгодном для него деле. Таким образом, имея другую племянницу, Марию, бедную сироту, бесприданницу, он взял ее к себе. Мало того, он объявил, что даст за ней пятьдесят тысяч франков и богатое приданое. Потому многие пожимали плечами, когда при них говорили об истории с письмами.

Гильбоа оставил свою племянницу Жанну в совершенном одиночестве; он не хотел, чтобы она, богатая наследница, находила обожателей. Он воспитывал ее, так сказать, в теплице, он старался всеми силами победить непреодолимое отвращение, которое она чувствовала к нему, но ему до сих пор это не удавалось. Он не хотел заговорить с ней о браке, прежде чем победит это отвращение. Но в один вечер император, желавший женить своих генералов на богатых наследницах, император, всегда старавшийся устраивать браки, которые могли соста-

вить ему блестящий двор, император, имевший страсть – так говорит история – устраивать браки, император сам сказал Гильбоа:

– Почему это, барон, ваших двух племянниц никогда не видно на балах императрицы?

Гильбоа испугался. Он знал, что Жанна его ненавидит. Тогда он решился на последнюю попытку.

Он подошел, спокойный и улыбающийся, поцеловал своих двух племянниц, а потом сказал Марии:

– Милая малютка, поди посмотри в своей комнате какой хорошенький подарок я положил тебе на комод.

Мария поняла, улыбнулась и убежала, радуясь борьбе, которую будет выдерживать Жанна. Она надеялась, что Гильбоа восторжествует.

Он сел. Он хотел, так как Жанна была еще очень молода, посадить ее к себе на колени. Она сделала движение рукою, остановившее его. Он несколько не смутился и сказал:

– Милочка, обдумала ли ты? Я дал тебе две недели.

Жанна имела твердую волю нежных и кротких душ. У нее не было порыва к сопротивлению, не было гнева в борьбе, но она умела говорить нет.

– Дядюшка, – ответила она, – я вам говорила и повторяю, что я вас не люблю и не хочу за вас выйти. Всякая попытка будет бесполезна, откажитесь от вашего намерения.

Де Гильбоа несколько побледнел. Он пробовал употребить кротость, он осыпал Жанну знаками дружбы – этот способ ему не удался; другой на его месте попытался бы напугать ее. Он был слишком хитер, чтобы сделать эту ошибку. Он изучил Жанну, он знал, какая твердость скрывается под ее слабой наружностью. Он понаблюдал за молодой девушкой, убедился, что ее решимость тверда, печально улыбнулся и со вздохом сказал:

– Милая малютка, вы правы! Когда не любишь, не надо выходить замуж. Если я вам надоедал, то это потому, что желание умирающих священно. Ваши родители взяли с меня обещание жениться на вас. Я настойчиво просил вашей руки, для того чтобы исполнить это обещание.

Жанна уже слышала об этом обещании своего дяди, но не верила его словам.

– Дядюшка, – сказала она, – мои родители наверняка желали моего счастья. А оно заключается не в этом.

– Я не настаиваю, моя милочка. – И он прибавил, любезно поцеловав ей кончики пальцев: – Теперь, милая Жанна, более не будет речи об этом между нами. Я подумаю о том, как бы прилично вас пристроить и представить в свете. До свиданья.

Жанна с удивлением смотрела, как он уходил. Оставшись одна, она прошептала:

– Это невероятно! Он уступил...

Она принялась мечтать. Мысли ее улетали в ту сторону, где исчез Жорж.

Пока она размышляла таким образом, Гильбоа встретил в коридоре своего управляющего. Тот, по-видимому, его ждал.

– Ну, барон, – спросил он шепотом, – решились вы на сильное средство?

– Надо! – сказал барон.

– Пойдемте!

Они оба заперлись в кабинете Гильбоа.

Бедная Жанна! Дядя ее, выйдя из той комнаты, где составлялся заговор, сиял от радости; раз десять прохаживаясь по саду с волнением, он прошептал:

– Надо ее обесславить и сделать огласку! Если она еще станет сопротивляться, это будет невероятно!

Глава IX

Как Фуше и Савари соперничали из-за Кротов

Оба начальника Кротов, простившись с своими товарищами, вернулись в гостиницу и, оставшись одни, держали совет. Положение их казалось усыпано опасностями. Жорж, с неслыханной отважностью воспользовавшись своими украденными правами, явился ко двору. Конечно, их имена, которых никто не мог у них оспаривать, давали им доступ в замок. Эта смелость была даже благоразумна. Кто осмелился бы отыскивать Кадруса под маской кавалера Веккиа? Однако, так как Фуше, министр полиции, и Савари, враг Кадруса, были в Фонтенбло, было опасно играть подобные роли в глазах этих двух людей, которые имели в руках самые изощренные средства. Особенно опасен в этом смысле был Фуше.

Положение Жоржа было тем ненадежнее, что относительно поимки Кротов между министром и Савари завязалась борьба. Первому хотелось иметь успех там, где его соперник потерпел неудачу. Второй жаждал отмщения.

Так как борьба началась между Кадрусом и этими двумя лицами, служившими олицетворением императорской полиции – борьба гигантов, изумившая тех, кто следил за ее развязкой, – мы набросаем эти два типа.

Фуше, герцог Отрантский, министр полиции, бесспорно, одно из самых замечательных лиц в современной истории. Во время республики он отличался крайностью своих поступков. Его можно было принять за одного из самых свирепых и самых суровых проконсулов, на которых Комитет общественной безопасности возложил кровавое поручение. Как Корье в Нанте, Фуше покрыл Лион развалинами и кровью и тысячами расстреливал граждан!.. Этот кровавый человек не был тигром, а еще менее львом. Он походил на волка по свирепости, а на лисицу – по хитрости. Несмотря на то что он скомпрометировал себя во время террора, он действовал так искусно, что избежал эшафота после Термидора. Он сумел поставить себя под защиту торжествующей партии и спас свою голову, свое состояние и свое влияние с ловкостью, которую доказал самым изумительным образом.

Настала Директория. Фуше был сделан начальником полиции. Он сумел воспользоваться своим положением, чтобы узнать тайны могущественных лиц и составить себе оружие из этих тайн. Тем, кто старался ему вредить, он наносил один из тех верных ударов, которые служат вместо предостережения и парализуют недоброжелательство.

Бонапарт нашел, что Фуше для него необходим, и взял его к себе. Во время консульства министр полиции при Маренго, где должна была решиться судьба Наполеона, составил тайный триумвират с Сийесом и Мерленом с целью разделить власть во Франции в случае, если первый консул будет побежден. Интриган Фуше умел компрометировать других и выпутывать себя. Сийес и Мерлен попали в немилость к Бонапарту, который узнал об их проделках; Фуше сохранил свое положение и остался в силе и непоколебим.

При наступлении империи его влияние и кредит еще увеличились. Он сумел сделаться необходимым для Наполеона, который ненавидел его, презирал, опасался, но не смел удалить; император успел оценить силу этого грозного бойца.

Фуше, сделавшись герцогом Отрантским, был для Наполеона самым важным человеком во Франции и даже в целом свете.

Но у него был соперник – Савари. Наполеон хотел противопоставить его Фуше; он нашел в Савари человека смелого, хитрого, предприимчивого, более способного к деятельности, чем Фуше, но с умом не таким обширным, как у его соперника. Наполеон давал Савари, которого он сделал генералом, чтобы придать ему вес, тайные поручения вне политики и полиции. Фуше

видел в Савари врага, который никогда не поднимется так высоко, как он. Он сразу понял этого человека.

– Это, – говорил он, – умная рука, а я голова.

Вместо того чтобы разбить этого соперника, он позволил ему усилиться в фаворе, делая вид, будто иногда этого опасается и дуется на Наполеона. Искусная политика. Он оставлял Наполеону ребяческое удовольствие думать, что тот составил серьезное противодействие могуществу своего министра, которого Савари беспокоил, однако, менее соломинки. Время от времени он подавлял его превосходством своей гениальности, а потом блистательно поправлял ошибки доверенного человека императора.

В подобных случаях ожидали немилости Савари, но с долготерпением, удивительным для тех, кто не знал причин его пристрастия, император защищал свою правую руку и вознаграждал Савари за страдания самолюбия. Таково было положение обоих наполеоновских министров полиции. Один был министром явным, другой тайным. Оба вели между собой борьбу.

В настоящую минуту у них шла странная борьба. Император отдал два приказа, которые он считал очень важными. Он получил верные сведения, что легитимисты составили заговор, который, однако, невозможно было раскрыть. Он поручил это Савари. Тому не удалось. Фуше ожидал этой неудачи, чтобы начать действовать и выказать свою силу. Сверх того Наполеон, друг порядка, чувствуя, что Франция хочет от него спокойствия и безопасности, установил во всей империи самое полное спокойствие, кроме, однако, одного пункта.

Все шайки разбойников, опустошавших страну во время республики, Директории и консульства, были уничтожены, все... кроме одной – шайки Кротов. Она была неуловима, она ускользала от всех преследований. Но, сначала оставив Савари одного бороться с Кадрусом, Фуше наконец собрался действовать сам. Он не скрывал от себя затруднений своего предприятия. Но он принял совсем не такую тактику, как Савари. К несчастью, этот хитрый ум не предвидел, до какой степени может дойти смелость Кадруса. Однако борьба началась на другой день после того, как было доказано, что Кроты действовали в окрестностях Фонтенбло.

Мы опишем первую фазу этой странной борьбы между могущественным министром и атаманом разбойничьей шайки – борьбы, представлявшей животрепещущий интерес.

Глава X

Как Кадрус и Фоконьяк отказались от должностей в армии его величества

Не успели вернуться Жорж и Фоконьяк домой, как слуга принес к ним визитную карточку.

– Маркиз, – сказал Жорж, прочтя, – адъютант генерала Савари желает с нами говорить. Он передал карточку Фоконьяку. Тот взглянул на нее, а потом сказал слуге:

– Скажи этому капитану, что маркиз Алкивиад де Фоконьяк от имени своего и кавалера де Каза-Веккиа извиняется, что не может немедленно его принять, и просит его подождать несколько минут, пока они переоденутся. Ступай!

Слуга ушел. Де Фоконьяк посмотрел на Жоржа.

– Уж не напал ли Савари на наш след? – сказал он на языке, изобретенном их шайкой.

– Не думаю, – сказал Жорж с равнодушным видом. – Жак уверял нас, что в настоящую минуту опасаться нечего.

– Чего хочет этот Савари?

– Дать ответ на наши просьбы.

– Это правда. Уже не принес ли он и патенты?

– Вероятно.

– Что нам делать?

– Отказать.

– Предоставь мне вести разговор.

– Охотно.

Жорж позвонил. Явился слуга.

– Проси! – сказал Жорж. – Не забудь, что ты должен разыгрывать роль оригинала, – шепнул он на ухо Фоконьяку.

– Как же! – сказал гасконец с беспримерной самоуверенностью. – Оригинальность благородных маркизов де Фоконьяк известна...

Он не успел закончить – вошел адъютант Савари. Несмотря на аксельбанты и эполеты, которые, как ярлык на склянке, показывали положение и чин молодого человека, синие очки, закрывавшие глаза, беловатый цвет лица, кошачьи ухватки скорее принадлежали к дипломатическому, чем к военному ремеслу. Он был верным представителем своего начальника, этого разнородного существа, наполовину адъютанта императора, наполовину полицейского. После всех формул известной вежливости, бросив взгляд вокруг, взгляд, угаданный, но не виденный Жоржем и его товарищем – синие очки мешали видеть, куда глядел адъютант, – он сказал с заученной улыбкой, что он пришел от Савари, своего генерала, доложить маркизу Алкивиаду Фоконьяку и его благородному другу Жоржу Каза-Веккиа, что его величество, удостоив принять в соображение особенные достоинства этих господ, принимал их поручиками в свою армию.

После подобного вступления эти три лица поклонились друг другу. Потом де Фоконьяк величественно заговорил:

– Капитан, скажите его величеству, что маркиз де Фоконьяк...

– Благородный друг, – сказал Жорж, – я замечу тебе, что ответ твой императору отнесет не этот господин.

– Это правда! Но видишь ли, мой милый, когда мы, Фоконьяки, имеем привычку говорить с королями, нельзя вообразить, что есть на свете люди, которых нельзя допустить к императору. Я забыл, что этот господин не знатный дворянин. Капитан извинит эту ошибку.

Адъютант, ошеломленный подобной дерзостью, наклонился еще ниже, чем в первый раз, и еще глубже постарался рассмотреть комнату и сердца обоих людей, которых он имел перед собой.

– Скажите же генералу Савари, капитан, что мы отказываемся от патентов, и прибавьте, что мы очень обижаемся, что с нами поступили так скупно.

– Друг мой, – сказал Жорж с притворным спокойствием, – ты мог бы не упоминать о нашей законной щекотливости, но, конечно, хотя мы очень желали бы служить государю, которому служите вы, знатный дворянин не может принимать некоторые должности, не роняя себя. А мой благородный друг маркиз де Фоконьяк принадлежит, так же как и я, к такой фамилии, где чин поручика считается слишком ничтожным. Нашим величайшим честолюбием было бы отдать наши шпаги к услугам такого гения, какой управляет Францией в эту минуту, но будьте так добры и сообщите генералу причины отказа, к которому побуждает нас то, что другие могут считать предрассудками, а мы считаем священными преданиями. Предки моего благородного друга командовали полками при Конде и Дианкуре, так же как мои предки в Италии. Император наверняка поймет, что благородная кровь не может изменить прошлому, и даст нам единственную должность, которая по традиции принадлежит нашему дому, – должность полковника.

– Да, именно полковника! – с твердостью подтвердил Фоконьяк.

Дипломат-адъютант был поражен этими притязаниями.

Отказать в чем-нибудь Савари казалось ему до того непостижимым, что он осмотрелся вокруг себя, как человек старающийся возратить потерянное равновесие, и совершенно растерялся. Алкивиад подоспел к нему на помощь.

– Господин адъютант, – скромно сказал он, – мы с кавалером могли бы предложить наши услуги Англии. Правда, полк стоит там довольно дорого, но подобная безделица не могла бы остановить Фоконьяка или Каза-Веккиа. Мы могли бы также бросить наш взор на германскую конфедерацию; там за ничтожную цену можно купить три полка и, следовательно, быть три раза полковником. Мы приехали во Францию, для того чтобы иметь честь служить гениальному человеку.

Уроженец Лангедока в доказательство своей вежливости любезным движением руки сделал знак смущенному адъютанту, что тот может выйти. Тот ушел, пораженный дерзостью Фоконьяка и надменностью Жоржа.

– Ты увидишь, – сказал Алкивиад, как только удостоверился, что офицер не может его слышать, – ты увидишь, он произведет нас в полковники.

– Я начинаю думать, что они довольно глупы для этого, – сказал Жорж, пожимая плечами. – Все-таки нам не надо полагаться на это. Савари, этот полицейский генерал, – злая обезьяна, хотя мы и побили его. Будем остерегаться его засад. Надо, однако, отдать тебе справедливость, ты великолепен в твоей роли оригинала. Но смотри, чтобы не было преувеличения.

– Не бойся! – ответил уроженец Лангедока своим настоящим голосом и на своем родном языке.

– Фуше все же меня тревожит, – сказал Жорж.

– Полно! – сказал Фоконьяк. – Он не подаст признака жизни против нас. Я подкупил одного из секретарей самого важного начальника департамента. Человек этот должен сообщать мне все, он совершенно в моих руках. Он знает, что изменить мне – значит обречь себя на верную смерть; я доказал ему это.

– Потом Жак, которому он дал место возле себя, наблюдает за ним.

– Я не думаю, чтобы он подозревал это, – сказал Фоконьяк улыбаясь.

– Он не сообщал мне ничего, – сказал Жорж.

– Стало быть, Фуше спокоен.

Опять постучали в дверь. Явился слуга.

– Господа, – сказал он, – вас спрашивают.

– Кто?

– Жак от имени Сернефа. Он мне сказал, что этих имен достаточно для того, чтобы вы их приняли.

– Пусть войдет.

В эту минуту Крот, разыгрывавший роль нищего, явился в обыкновенной одежде чиновников. Он поклонился и подал Жоржу письмо. Лакей ждал, смотря на эту сцену. Жорж, вместо того чтобы отослать его, прочел письмо при нем и, улыбаясь, сказал Жаку:

– Поблагодарите господина де Сернефа за его приглашение к обеду. Он хорошо сделал, напомнив мне, что его отец был знаком с моим. Скажите ему, что я буду у него.

– Хорошо, – ответил Жак и ушел.

Лакей все слышал. Он делал вид, будто стирает пыль. Де Фоконьяк понял хитрость Жоржа относительно этого шпиона.

– Кто такой этот Сернеф? – спросил он.

– Младший сын мелкого дворянина. Отец его оказал кое-какие услуги моему отцу, и я весьма ему обязан.

– Заплати свой долг, кавалер, заплати, если представится случай. Долги надо платить всегда.

– Я думаю, что этот господин пригласил меня к обеду с намерением потребовать от меня какой-нибудь услуги.

Он передал письмо Фоконьяку. Тот прочел про себя: «Фуше берется преследовать Кро-тов».

В эту минуту на двор гостиницы шумно въехал всадник. Через минуту он вошел к двум мнимым дворянам и подал им конверт. Жорж распечатал. Это был приказ Фуше явиться к нему. Жорж слегка побледнел, Фоконьяк удивился. Оба предвидели большую опасность.

Глава XI

Обвинение, тяготевшее над кавалером Каза-Веккиа и маркизом Фоконьяком

Когда Жорж и Фоконьяк были потребованы к Фуше, они быстро переглянулись, и на разбойничьем языке гасконец сказал:

– Идти ли?

– Да, – ответил Жорж, – а то нас арестуют и тотчас убьют. Может быть, Фуше только подозревает и станет нас допрашивать, а мы его проведем.

И оба, спокойные, уверенные, что оправдаются от всякого обвинения, встали, чтобы идти вместе с посланным министра, который ждал.

Жорж сказал ему:

– Мы готовы следовать за вами.

– Не прикажете ли оседлать ваших лошадей? Его светлость живет на своей вилле в часе езды отсюда.

Жорж и Фоконьяк поняли, что дело идет не об аресте, если министр обращается с ними с таким уважением. Жорж приказал лакею оседлать лошадей.

– Странно, – сказал гасконец, – что Фуше, герцог Отрантский, имеет надобность до нас. И не находите ли вы, кавалер, что его светлость мог бы сам собственноручно написать к нам? Это было бы гораздо приличнее. Как министр, герцог может приказывать нам, пока мы находимся на французской земле. Как дворянин, он должен бы выказать вежливость, это неоспоримо. Как министр, какое дело может он иметь до нас? Никакого. Очевидно, нас требует к себе дворянин. Но Фуше сделан герцогом так недавно, что, вероятно, ему неизвестны обязанности знатного вельможи по отношению к дворянам. Будем снисходительны.

Эта комедия игралась для посланного министра. Тот верно передал Фуше дерзости Фоконьяка, но Фуше не обижался такими безделицами.

– Лошади оседланы, – пришел доложить лакей.

Отправились.

Жорж думал дорогой: «Если бы подозревали, что я Кадрус, то гостиница была бы окружена».

Чтобы доехать до виллы герцога, надо было проезжать мимо Магдаленского замка. Де Фоконьяк бросил на него долгий взгляд; Жорж, по-видимому, не обратил на него внимания.

Приехали.

Мнимых дворян просили подождать несколько минут. Они провели полчаса в передней министра. Фуше слушал донесения своего агента и справлялся со своими пометками. Через четверть часа он дотронулся до легкой пружины в стене своего кабинета – образовалось отверстие, в которое можно было видеть людей, находившихся в передней. Де Фоконьяк обнаруживал свое нетерпение с хладнокровием знатного вельможи времен Людовика XV.

– Какая славная вещь этикет! – говорил он. – И как был прав великий король. Он также делал герцогами ничтожных людей. Но он установил по крайней мере, чтобы никогда титулованный человек не был вынужден торчать в передней простолоудина, достигнувшего важной должности.

Он высказал двадцать других любезностей в таком же роде, так что Жорж сказал ему шепотом, подозревая, разумеется, что их подслушивают:

– Позвольте, маркиз де Фоконьяк! Я обижен не меньше вас. Однако вы напрасно обнаруживаете здесь вашу досаду. Это неблагоприятно.

– Что же может с нами случиться? Надо подумать да подумать, прежде чем коснуться Алкивиада де Фоконьяка.

– Коснулись же герцога Энгиенского, который пал под пулями солдат первого консула! Фоконьяк сделал вид, будто задрожал и побледнел.

Настало печальное молчание.

Фуше сказал себе: «Главное лицо здесь – молодой человек, а другой – старый дуралей».

Он начал разговаривать с одним из своих секретарей:

– Его величество очень желает взять к себе на службу этих двух дворян. После неудачи Савари император, имеющий слабость к знатым именам при своем дворе, дал мне понять, что он все-таки не может сделать полковниками этих двух господ без большого скандала. «Постарайтесь, – сказал он мне, – привлечь их ко мне так, чтобы я не делал подобной жертвы». Я, – продолжал Фуше, – взялся за это дело, которого так желает его величество. Но, изучив наружность этих двух господ, я пришел к одному предположению. Я очень боюсь, что они отказываются от предлагаемых должностей не потому, что находят их ниже себя, но потому, что не хотят поступить на службу, а желают остаться в Фонтенбло, имея, может быть, в виду заговор, о котором мы имеем столько неопределенных сведений, но еще недостаточных для того, чтобы действовать.

– Ваша светлость расспросит этих господ и узнает, в чем дело.

– Я действительно придумал способ, – сказал Фуше, – узнать, в чем дело. Или это заговорщики и тогда они откажутся от звания полковника, если оно должно удалить их от двора, или это не лазутчики легитимистов, и, сообщив им, что они получают патенты, я увижу радость на их лицах.

– Но ведь у вас нет этих патентов, ваша светлость, – сказал секретарь министра. – Как же вы откажете им потом, если они примут?

– Я поставлю невозможные условия в последнюю минуту. Встаньте за этой портьерой и слушайте... Вы получите урок.

Он позвонил. Вошел лакей. Фуше сделал ему знак, и посетителей ввели.

Фуше сидел в огромном кресле и держал в руках кучу бумаг. Он ответил наклоном головы на поклон вошедших и пригласил их сесть.

– Господа, – сказал он, – я сожалею, что *этикет*, – он сделал ударение на этом слове, – не позволяет министру отправляться самому к простым гражданам, чтобы их допросить.

Фоконьяк закусил себе губы, как будто урок показался ему жестоким. Жорж просто поклонился.

– Господа, – продолжал Фуше, – его величество увидел ваши имена в списке приглашенных и собрал о вас подробные сведения. Вы угадываете почему?

– Решительно не знаю, – отвечал Жорж.

Но Фоконьяк сказал самодовольно:

– Вы слишком скромны, кавалер. Его величество, верно, был поражен, увидев, что кавалер Каза-Веккиа и маркиз Алкивиад де Фоконьяк явились к его двору. Если наши физиономии ему неизвестны, знатность наших фамилий слишком блистательна для того, чтобы остаться незамеченной даже при дворе Наполеона Первого, императора и короля.

Фуше улыбнулся и сказал:

– Маркиз прав, император имеет намерение залечить раны, нанесенные революцией. Его величество хочет обогатить все партии и привлечь к себе старинное дворянство. Ничего не может быть естественнее того, что его величество занялся вами.

Оба разбойника поклонились.

– Но...

Жорж улыбнулся. Фоконьяк поправил свое жабо и спросил:

– Тут есть «но»?

– Без сомнения, – сказал министр. – Генерал Савари сделал вам предложение, если я не ошибаюсь?

– Вы не ошибаетесь, – сказал Фоконьяк с насмешливым видом.

Фуше расхохотался:

– Мне было нужно удостовериться в этом... я точно не знал. Итак, после нескольких переговоров с Савари вы обнаружили желание служить в войске его величества и генерал обещал вам свою помощь. Император предлагал вам чин поручика.

– Мы поблагодарили, – сказал де Фоконьяк, – но очень почтительно заметили посланному генерала, что наши имена не позволяют нам принять такую ничтожную должность.

– Его величество предлагал вам капитанский патент, – сказал Фуше, – но вы и от этого отказались.

– Действительно, – вмешался Жорж, – мы отказались, думая получить патент полковника. Людовик Четырнадцатый людям нашего происхождения давал полки.

– Но Людовик Четырнадцатый не был вынужден нарушать закон для этого.

– Вот еще! – сказал Фоконьяк.

– Маркиз, его величество желает соблюдать законы своей страны. Он хочет подавать пример.

– А мне кажется, что если он нарушил закон для производства в капитаны, можно нарушить и для производства в полковники.

– Император не решался, но я уговорил его.

– А! – сказал Фоконьяк. – Так что, мы назначены?

– Да, господа. Маркиз де Фоконьяк будет произведен в полковники главного штаба при маршале Лефевре, кавалер де Каза-Веккиа будет послан также как полковник главного штаба к маршалу Журдану.

Фуше наблюдал за впечатлением, которое эти назначения произвели на обоих дворян. Жорж казался доволен, а Фоконьяк восхищен. Фуше нетрудно было убедиться, что его ловушка не удалась. Он не мог угадать, действительно ли довольны или рассержены оба дворянина. В этом отношении он был побежден.

– Тысячу раз благодарю, ваша светлость! – сказал Жорж.

– Я в восторге и очень признателен! – вскричал Фоконьяк.

Но Фуше остановил этот энтузиазм.

– Только... – начал он.

Это «только», по-видимому, испугало дворян.

– Только, – продолжал министр, – для вида и на некоторое время вы будете капитанами, ну а потом...

– Но ваша светлость говорили нам, что наши патенты на чин полковника... – сказал Жорж.

– Были подписаны... да. Но для вида вы не должны обижаться, что от вас требуют залог.

– Господин министр, – сухо сказал Жорж, – эта комедия ниже достоинства его величества, ниже вас, ниже нас. Я, со своей стороны, не согласен на эти предложения. Я считаю себя вправе получить полковничьи эполеты и прямо прошу их.

– Кавалер, – сказал Фоконьяк, – вы говорите как следует!

Фуше переменил тактику. Он понял, что в хитрости эти люди одержат над ним верх, и решил действовать прямо.

– Господа, – сказал он, – ваш отказ необъясним.

– Для вашей светлости, может быть... – дерзко сказал Фоконьяк.

Фуше движением руки заставил замолчать маркиза.

– Я угадываю причину вашего отказа, – сказал он. – Вас указали мне, господа, как двух опасных заговорщиков. Во Франции затеялись заговоры легитимистов, они хотят отомстить за смерть герцога Энгиенского покушением на жизнь императора.

– И вы нас обвиняете в желании убить императора? – вскричал Жорж. Он принял надменную позу истинного достоинства. – Господин министр, Каза-Веккиа не какой-нибудь ничтожный негодяй, а Фоконьяк не унижится до гнусной роли.

– Позвольте, господа! Знатные имена скомпрометированы при покушении Жоржа Кадудаль.

– Но Жорж Кадудаль не изменил своему долгу, а дворяне, помогавшие ему, не помрачили своего герба.

– Вы строго отозвались о политическом убийстве, а теперь извиняете его.

– Я не одобряю и не обвиняю. Приведем факты. Жорж смело подвергнул опасности свою жизнь в заговоре против императора. Когда этот заговор не удался, Жорж заплатил за это покушение своей жизнью. Он не сделал ничего бесчестного. В предположениях ваших о нас мы совершили бы не убийство, а измену. Мы приехали предложить наши услуги, нас приняли, мы связаны. Мы поступили бы вероломно, вступив в какой-нибудь заговор против императора, который полагает, что допустил к своему двору двух благородных дворян. Вы нас оскорбили, милостивый государь. Прикажите взять в нашей гостинице наши документы, наши бумаги, наши письма. Пусть заглянут в наше прошлое. Вы увидите там только шалости и сумасбродства богатых молодых людей. Вы не увидите там ничего подозрительного. Маркиз де Фоконьяк и я провели шесть лет в Италии. Я был беден, он богат. Потом я разбогател в свою очередь. Мы были привлечены достоинствами генерала Бонапарта. Однажды маркиз де Фоконьяк сказал мне: «Кавалер, мы должны бы предложить нашу шпагу герою, которым мы восхищаемся!» И мы приехали без всякой тайной мысли, кроме законного честолюбия, представиться его величеству. Мы думали, что из уважения к нашим предкам мы не должны позволять нашим шпагам заржаветь в ножнах, что пора приобрести какую-нибудь славу, и нашли, что эту славу, которой мы завидовали, мы можем в особенности приобрести на службе Наполеону Первому. Вот вся правда, ваша светлость. Теперь действуйте как знаете.

Жорж горделиво замолчал. Взволнованный Фоконьяк пожал ему руку не говоря ни слова.

Фуше ничего не сказал. Он позвонил, явился секретарь.

– Ну что? – спросил министр.

– Ничего, ваша светлость, – ответил секретарь и ушел.

Фуше встал и любезно улыбнулся. Оба дворянина также встали.

– Господа, – сказал министр, – в моем положении бывают иногда неприятные обязанности. Я был вынужден приказать произвести у вас обыск. Успокойтесь, – прибавил он, когда Жорж сделал движение, – этот обыск был произведен без шума, вы не скомпрометированы ни в чем перед публикой, о вашей репутации старательно позаботились. Я сознаюсь, господа, – прибавил он более любезным тоном, – что все должно внушать мне к вам величайшее доверие. Ваше состояние происходит от наследства, кавалер, а я было сомневался в этом. Зная, что вы были очень стеснены в Неаполе одно время, я предполагал, что вашу роскошную жизнь поддерживали субсидии принцев-эмигрантов. Но нет! А у маркиза де Фоконьяка есть дядя-миллионер. Итак, повторяю вам, господа: я имею к вам полное доверие. После этого откровенного объяснения я вам делаю очень серьезное предложение.

– Мы к вашим услугам, ваша светлость, – сказал Жорж.

– Если вы желаете сделаться полковниками, я берусь доставить вам эту должность посредством какого-нибудь смелого и блистательного поступка. Послушайте. На свете есть один человек, мешающий мне, хотя по наружности человек не важный. Человек этот с пятьюдесятью подчиненными делает вещи изумительные и очень нас стесняет. Чтобы захватить его, делали глупость за глупостью.

– Вы говорите о Кадрусе? – спросил Жорж.

– Да, – отвечал министр. – Вы понимаете, как досадно видеть шайку разбойников, дерзко пренебрегающую всеми властями, установленными во Франции! С другой стороны, история разбойничества в Италии и Испании доказывает, как трудно захватить шайку решительную и хорошо предводительствуемую.

– Действительно, в Италии, – сказал Фоконьяк, – особенно в Неаполе, никак не могли захватить шайки разбойников. Сам генерал Мендес потерял за шесть лет две тысячи семьсот два человека почти без пользы, это было сосчитано.

Фуше продолжал:

– Савари пробовал, но напрасно, отыскать Кротов и истребить их. Он сам попался. Он сделался предметом насмешек всей Европы. Я хочу действовать искуснее. Я хочу собрать сведения о Кротах, оставить им уверенность в полной безопасности, но наблюдать за ними и изучить их основательно. Когда я узнаю о них все, что мне необходимо, я захвачу их не с большими силами, но послав им навстречу небольшой отряд, решительный и смелый, и знаете ли, кому я предложу начальство над этим войском, разделенным на два отряда?

– Я это предвижу, – сказал Фоконьяк и улыбнулся с радостным видом.

– Вам господа, – продолжал Фуше, – вам достанется почет от этой экспедиции! Скажут, что, узнав о присутствии Кадруса на одном пункте и имея только вас под рукой, я просил вас повести оба отряда навстречу разбойникам. Будьте искусны. Будьте блистательны, истребите всех! После этого дела вам дадут выбрать полк. Согласны вы?

– От всего сердца, ваша светлость.

– А вы, маркиз де Фоконьяк?

– С восторгом, ваша светлость.

– Итак, господа, я полагаюсь на вас. Прежде чем мы расстанемся, – прибавил он с некоторой иронией, – я возобновляю мои сожаления, что, имея надобность до вас как министр, я был вынужден потревожить людей вашего звания.

Де Фоконьяк засмеялся и возразил:

– Даже в царствование великого короля, герцог, насмеялись не так остроумно, как вы!

Он и Жорж поклонились.

Фуше позвонил, лакей отворил дверь, и оба дворянина ушли.

Тотчас после их ухода пришел секретарь.

– Они как люди не стоят того высокого мнения, какое я имел о них, – сказал министр. – Один, маркиз, довольно остроумный нахал. Другой, кавалер, будет превосходным дивизионным генералом, не более. Он годится под пушечный выстрел и хорошо даст себя убить. Им дадут двух человек для этой экспедиции, которым будут даны полномочия. Вся слава этого дела должна пасть на двух знатных протеже императора, но настоящих начальников экспедиции вознагралят. Страсть его величества окружать себя дворянами будет нам стоить невероятное число патентов. Дорого стоит золотить двор!..

Фуше принялся за работу. Он не подозревал, что проиграл партию против самого Кадруса.

Глава XII

Не один Винцент де Паола сочувствовал каторжникам

Свидание Фуше с двумя начальниками Кротов происходило в ту самую ночь, которая последовала за заговором, замышляемым против Жанны ее дядей и его управляющим. В ту минуту, когда Фоконьяк и Жорж проезжали мимо Магдаленского замка на виллу Фуше, Гильбоа ходил по саду и бормотал:

– Когда она будет обесславлена, она будет мне принадлежать.

Гильбоа был выведен из этих размышлений топотом лошадей проезжавших по дороге всадников. Он вдруг вспомнил, что у него есть дело в Фонтенбло, и приказал заложить себе экипаж, распорядившись, чтобы его провожали два вооруженных лакея. Кроме того, он велел дать кучеру два пистолета. Слух, что Кроты находятся в окрестностях, вынуждал каждого принимать меры предосторожности.

Сделав это, Гильбоа уехал в Фонтенбло.

– Я недолго буду в отсутствии, – сказал он своему управителю.

Тот философически ждал возвращения своего господина. Управитель Гильбоа, Шардон, имел жалкую наружность, голову куницы, хватки хитрые, взгляд фальшивый, скулы острые. Все в нем показывало коварство и алчность. Он хромал. Никто этому не удивлялся. Он бывал в тюрьме. Да... в тюрьме... и вследствие этого он сделался управляющим Гильбоа. Поселившись в Фонтенбло, без хлеба, без средств, Шардон вызвался вести у него книги за самую ничтожную сумму, уверив его в своей неограниченной преданности. Гильбоа принял услуги этого негодяя и скоро сделал его своим управителем. Тамошние жители вздумали предупредить Гильбоа о прошлом Шардона, думая, что тот этого не знает. Но Гильбоа отвечал этим услужливым людям, что ему очень хорошо известно все, но он сжалился над этим бедняком и считает долгом доброго христианина показать примером, что когда несчастный расплатился с обществом за свое преступление, то следует протянуть ему руку.

– Я, человек богатый и занимающий хорошее положение в этом краю, обязан протестовать моими поступками против варварского обычая отталкивать бывших каторжников, которых таким образом доводят до отчаяния!

Толпа восхищалась и кричала «браво!». Один человек угадал, однако, причины, побуждавшие Гильбоа действовать таким образом; это был Фуше, говоривший Савари:

– Вы удивляетесь благотворительности господина де Гильбоа? А я нахожу ее естественной. За три тысячи франков в год он имеет превосходного управителя. Этот Шардон не сможет найти другого места. Он должен быть усерден. А доброе дело выставляет барона с хорошей стороны. Честность Шардона обеспечена опасением вернуться в тюрьму – опасением, достаточным для того, чтобы отнять охоту воровать у бывшего нотариуса, любящего спокойную жизнь.

Фуше угадал верно. Шардон был вполне предан своему хозяину, который держал в руках его будущность и благосостояние. Не угодить барону де Гильбоа значило опять впасть в нищету, в пороки, в грязь и, возможно, попасть на дорогу в тюрьму.

Шардон, однако, чувствовал всю тяжесть своего рабства. Он был глубоко печален и часто задумывался.

Когда Гильбоа оставил его у ворот замка, он стоял, устремив глаза на дорогу, словно чего-то ждал.

Показались двое нищих, которые сели на тумбы, прислоненные к решетке парка, и протяжным напевом просили милостыню у прохожих. Шардон не обратил внимания на этих нищих. Однако они внимания заслуживали. Они представляли в лицах басню Лафонтена «Слепой и калека». Давно уже в этом краю знали союз, связывавший этих несчастных, потому

что каждый день встречали бедного слепого, сгибающегося под тяжестью своего изувеченного спутника. А тот, подставив шляпу, просил взором, раздиравшим душу, милостыню у прохожего. При виде этих несчастных, соединившихся таким трогательным образом, сердце не могло остаться нечувствительным. Почти никогда слепой и калека не просили милостыню напрасно. Несколько душ, более сострадательных, чем другие, позаботились о старости этих бедняков и ходатайствовали у правительства о том, чтобы обеспечить их будущность. Все приняли участие в этом добром деле, в том числе и Гильбоа. Не из сострадания – он мало заботился о других, – но потому, что богатство налагает обязанности, а он хотел приобрести репутацию благотворителя и щедрого человека. Он часто подавал большую милостыню этим нищим.

Когда он показался на дороге, нищие подошли к нему, но он не обратил на них внимания. Он даже грубо оттолкнул руки, протягивавшиеся к нему, сделал управителю знак приблизиться и сказал:

– Вели вынуть из кареты свертки и отнеси их в кабинет. Возьми два футляра из карманных дверей и ступай со мной.

Шардон, передав эти приказания слугам, выбежавшим встречать барина, сам взял футляры и не говоря ни слова пошел за Гильбоа, который прямо отправился в свой кабинет.

– Ты готов? – вдруг спросил Гильбоа, даже не оборачиваясь к своему управляющему.

– Вы все еще намерены? – ответил тот на вопрос своего хозяина другим вопросом.

– Да... надо непременно покончить сегодня! Но твои люди?

– Одно слово, одно движение – и они здесь.

– Ты уверен в них?

– Как в себе самом. Их прошлая жизнь отдает их в мою власть... Правда, и я также в их власти... ни им, ни мне нет никакой выгоды изменять друг другу. Призвать их?

– Как! Они так близко?

– В двух шагах.

– Послушай, Шардон, – сказал хозяин управителю, – пятиться назад нельзя. Савари намедни сказал мне: «Почему это, любезный господин де Гильбоа, вы лишаете двор двух особ таких очаровательных, как девица де Леллиоль и ее кузина? Говорят, у первой огромное состояние. Вторая по красоте своей достойна обожания самых знатных наших сановников. Стало быть, удалять от двора двух девиц, которые могут служить ему украшением, – преступление против воли императора, желающего женить своих генералов на знатных девушках». Ты знаешь, что значит эта любезность.

– Император хочет, – сказал Шардон, – чтобы все знатные имена, все богатства столпились около него. Мадемуазель Жанна и знатна, и богата. Это ясно.

– Стало быть, ты понимаешь, что пятиться нельзя?

– Конечно.

– Вели же призвать твоих людей.

Шардон засвистел особенным образом. При этом звуке оба нищих перестали тянуть свою заунывную песнь. Слепой, ведя калеку, позвонил у калитки. Привратник не хотел его пропустить.

– Не препятствуйте нам собирать милостыню! – загнул калека. – Господь вас вознаградит. Посмотрите, управляющий хочет, чтобы вы нас пропустили.

Привратник, взглянув на окна, действительно увидел, что управляющий знаками велит ему впустить нищих. Через минуту оба они явились перед Гильбоа.

Тот с некоторым волнением ждал людей, о которых ему говорил Шардон, но, увидев нищих, вскрикнул от удивления. Слепой и калека, для того чтоб сделать похищение! Выбор казался язвительной насмешкой.

– Вот каких людей привел ты ко мне! – сказал он Шардону. – И вы приняли это предложение? – обратился он к нищим.

– Как же быть, добрый барин! – захныкал слепой. – Надо же как-нибудь кормиться...

– Но ваши недуги не позволяют вам быть мне полезными, – продолжал владелец Магдаленского замка.

– Деньги лучше всякого лекарства! – хныкал нищий. – Они возвращают зрение слепым и ноги калекам.

Когда он это проговорил, его маленькие серые, лукавые глазки замигали под бровями. Ноги калеки вдруг выпрямились, он вскинул свой костыль на правое плечо и обошел вокруг всей комнаты, как солдат на часах. На лице Гильбоа выразился восторг по поводу хитрости, употребляемой этими негодьями, чтобы возбудить сострадание публики. Он сказал им смеясь:

– Великолепно! Но к чему вам заниматься таким утомительным ремеслом? Каково тебе таскать его на плечах?

– Не обижайте меня, – ответил мнимый калека, – я не употребляю во зло сил моего товарища, он не всегда служит мне вьючным скотом. В оврагах, в кустах я возвращаю ему свободу. Я влезаю на него только при входе в деревню.

– Но все-таки ремесло весьма утомительное, – возразил Гильбоа.

– Но и выгодное! Шестьсот ливров дохода, хлеб, мясо и случайная прибыль!

– Это что еще?

– А видите, есть богачи, которые имеют обыкновение давать нам положенное количество денег и пищи. А то, что дают нам прохожие в дилижансах и каретах, это сверх того, это доход случайный. Потом есть предприятия выгодные, как, например, похищение, которое замышляете вы и которое принесет хороший доход.

Намек был прямой.

– Будет об этом говорить! – сказал барон. – Сколько Шардон вам за это обещал?

– О, добрый барин, – ответил бывший слепой, – господин Шардон, правда, очень расположен к своим бывшим знакомым, – негодяй с намерением сделал ударение на этих словах, – он говорил нам о тысячном билете... Но теперь и вы прибавите что-нибудь... Еще тысячный билетик, например? Я уже вам говорил, деньги могут вернуть ноги и глаза...

– Хорошо, – перебил его Гильбоа, – вы получите две тысячи франков.

– Гм! – сказал нищий. – Почему бы не заплатить нам тотчас? Мы с товарищем не сомневаемся в слове такого человека, как вы... Но времена такие тяжелые... и притом все мы смертны... К счетам могут придраться, а наличные деньги избавляют от неприятностей.

Как ни порочен был Гильбоа, а кровь бросилась ему в лицо при этих подозрениях, так ясно выраженных. Однако он воздержался.

– Возьми, – сказал он мнимому слепому.

Он подал ему билеты, так бесстыдно требуемые, и прибавил:

– Доволен ты?

– Как нельзя более.

Как бы для довершения унижения Гильбоа негодяй повертел в руках билет, потом посмотрел сквозь на него на свет.

– Послушай, каналья, – сказал раздраженный Гильбоа, – уж не принимаешь ли ты меня за вора?

– О нет! – ответил негодяй смеясь. – А то ведь...

– Ну!

– Будь вы вор, риска бы не было.

– Это как?

– Очень просто: волки друг друга не едят... Но так как вы честный человек...

– Что же тогда?

– Тогда... доверять нельзя, – лукаво закончил нищий.

Гильбоа был поражен.

Негодяй продолжал:

– Как же теперь быть вечером-то?

– Ничего не может быть проще, – ответил Шардон вместо своего хозяина, у которого от гнева перехватило горло. – Окна обеих девиц будут открыты, все люди в замке удалены, а свечка, поставленная на окне моей комнаты, укажет вам удобную минуту. Вы свяжете девицу Марию, свяжете и унесете девицу Жанну. Потом броситесь к лесу и донесете племянницу барона до хижины Зеленого Леса. Остальное вас не касается.

– Может быть... однако, если мы рискуем, то приятно было бы знать...

– Я вам сказал, что дело идет только о том, чтобы сыграть шутку с этой молодой девушкой, у которой идеи слишком поэтичны и которая мечтает только о похищении. Дядя хочет напугать ее и показать, что не все в этих приключениях имеет розовый цвет.

– Даже есть шипы, – сказал слепой.

– Именно!

– Но когда этими шипами уколют девочку, она, конечно, вернется к добрым чувствам... и кончится все свадьбой, пиром, веселостями для гостей, богатством для барона, милостыней для нас, радостью для всех, кроме баронессы, оттого что молодежь любит молодежь, а барон находится не в цветущей молодости.

– Поняли! Поняли!

Оба нищих расхохотались. Гильбоа в бешенстве, что его разгадали, вскричал:

– Вон, негодяй! Ничего от вас не нужно.

– Невозможно! – дерзко ответили они. – Мы ваши сообщники.

– Какой вздор! – сказал Шардон.

– Помиримся! Вы больше нас проиграете, если мы поссоримся.

– Ну хорошо, помиримся.

– За это надо пятьсот франков.

– Дайте, – шепнул Шардон своему хозяину. – Барон согласен дать пятьсот франков, – прибавил он громко, – но он заплатит после.

Нищий настаивал, но Шардон нахмурил брови, и бродяги согласились.

Когда они ушли, Гильбоа сказал своему управителю:

– Вели отнести эти футляры и эти картонки к моим племянницам. В них лежат наряды, которые я им дарю для бала при дворе... И скажи им, что я сейчас у них буду.

Через несколько минут управляющий пришел сказать своему хозяину, что приказание его исполнено, и прибавил:

– Если, как говорят, признательность есть самый верный путь к сердцу, то вы найдете ваших воспитанниц готовыми обожать своего опекуна.

– Ты думаешь? – спросил Гильбоа.

– Еще бы! Царские подарки, удовольствия, обещаемые балом при дворе, и надежда найти обожателя – есть от чего вскружиться головам молодых девушек, которые сидели до сих пор взаперти.

Гильбоа получил очаровательный прием. Шардон не ошибся.

Признательная Жанна подставила лоб дяде, который задрожал, запечатлев на нем просимый поцелуй. Полненькие ручки Марии, обнявшей опекуна в избытке признательности, возбудили в нем волнение, которого он не испытывал с молодости.

– Дети мои, – сказал барон, взяв стул, который молодые девушки впопыхах забыли ему предложить, – я очень рад, что смог доставить вам удовольствие.

Жанна и Мария осыпали его ласками, а он продолжал свою комедию.

– Я очень счастлив, – сказал он взволнованным голосом и положив руку на сердце, – я очень счастлив, что такой заслуженный подарок мог доставить вам удовольствие. Это слабое

доказательство моей признательности за привязанность, которою вы окружили вашего старого дядю.

Потом после некоторого молчания он прибавил с полувеселым-полупечальным, но с очень добродушным видом:

– Милая Жанна, этот вечер составит эпоху в вашей жизни и в моей. И в вашей также, Мария. Мне хотелось бы составить счастье одной из вас, женившись. Но вы непременно хотите видеть во мне только отца... Признаюсь, к стыду моему, я предпочел бы другую роль. Но надо уметь безропотно покоряться!

Мария очень удивилась. Никогда дядя не говорил ей о своем намерении жениться на ней. Однако она не поправила его ошибку. Жанна, при сожалениях, выражаемых опекуном, побоялась какой-нибудь новой попытки и нахмурила брови, но он прибавил улыбаясь:

– Отказываясь от всякой личной надежды, я хочу выдать вас замуж самым выгодным образом. На балу вы должны быть первыми красавицами. У всех должна закружиться голова, чтобы все мужчины смотрели только на вас. Я хочу, чтобы все были ослеплены!

Мария увидела себя графиней или баронессой; Жанна подумала, что ее дядя действительно отказался от всяких намерений на нее. У обеих произошел порыв признательности. Они чистосердечно обняли дядю. Барон, продолжая свою лицемерную игру, сказал молодым девушкам:

– Кстати, дети, я хочу быть балованным отцом. Я должен первым узнать его имя.

– Что вы хотите сказать? Его имя?

– Ну да, его имя.

– Чье же?

– Полноте! Притворяетесь смиренницами...

– Но, дядюшка...

– Но, любезный опекун...

– А, лицемерки, вам нужно сказать прямо... Ну, имя мужа, которого вы себе выберете.

Вы понимаете, что не желая принуждать вас, – прибавил он с некоторым достоинством, – я буду до крайности снисходителен. Я обязан растолковать вам, что это за человек. Не медлите, – прибавил он, – через три месяца вас должны называть «мадам».

Он поцеловал их в лоб с этими словами и убежал, смеясь и оставив своих племянниц в смущении и восторге.

Через минуту Гильбоа уехал в Фонтенбло, взяв с собой несколько лакеев. А еще через десять минут управляющий говорил привратнику Магдаленского замка:

– Ваша жена и ваша дочь еще не вернулись из города, хотя я их отпустил с самого утра. Я нахожу, что они слишком запоздали. Заложите тележку и поезжайте за ними с садовником. Возьмите у меня два охотничьих ружья. Здесь много говорят о Кротах. Не надо, чтобы женщины возвращались одни.

Привратник рассыпался в благодарностях. Повара были уже распущены. Оставалась горничная барышень и камердинер барина. Они жили дружно и оба любили танцевать. Управляющий позволил этой чете, которая намеревалась соединиться браком, отправиться на бал и в десять часов сам оседлал лошадь и отправился в соседний замок, где у него назначено было свидание.

Обе молодые девушки остались в замке одни.

Одни? Нет. Оба разбойника, которые должны были увезти Жанну, стояли уже на своем посту.

Глава XIII

Чего Гильбоа не ожидал

Замок был пуст. За несколько минут до отъезда горничная пришла проститься с молодыми девушками и зажгла свечи в комнате кузин. Подарки барона были разложены. Блеску огня отвечал блеск бриллиантов. Шелковые материи, бархат, шали от света восковых свечей принимали самые разнообразные оттенки. Молодые девушки радовались как дети. Они шупали материю, примеряли бриллианты и наивно восхищались друг другом.

– Какая ты будешь красавица, душечка! – сказала Мария с восторгом.

Говоря таким образом, молодая девушка надела изумрудную диадему на белокурые волосы кузины и приложила серьги, чтобы они повисли на атласной шейке Жанны.

– Знаешь ли, – восхищалась в свою очередь Жанна, – что жемчуг восхитительно идет тебе, брюнетке! – Потом, с восхищением бросив один взгляд на кузину, а другой в зеркало, она прибавила: – Право, мы прехорошенькие!

Как два котенка забавлялись эти две девочки, бегая по комнате, наряжаясь, драпируясь в длинные складки кисеи и атласа.

Но пока они забавлялись таким образом, две пары глаз были устремлены на них. Восхищаясь подарками дяди, Жанна и Мария не обратили внимание на шум, слышавшийся под их окнами. Они не видели пылких и жадных глаз между балюстрадой балкона, устремленных на них. Их крики и их хохот помешали им слышать разговор, шепотом происходивший так близко от них.

Оба негодяя, получив плату за похищение Жанны, отодвигали минуту действия, не будучи в состоянии отвести глаз от драгоценностей, блеск которых на столе.

Наконец они опомнились, поняли, что действовать пора в ту минуту, когда Жанна, устав бегать от Марии, гонявшейся за ней по комнате, запыхавшись, села в кресло.

Вдруг стекло было разбито, и окно отворилось. Нищие прыгнули в комнату.

При появлении их отвратительных голов обе молодые девушки вскрикнули от испуга. Но крик их не услышал никто. Замок был пуст. Нищие так были уверены в успехе, что преспокойно рассуждали при обеих молодых девушках.

– Вишь как испугались! – сказал слепой.

– Тем лучше, – сказал калека, – дело пойдет как по маслу. Бери-ка ту, слева, свяжи ее хорошенько по рукам и по ногам и сунь ей в рот платок. Она будет нема как рыба. Только берегись, чтобы она не укусила и не оцарапала.

– Сделано! – ответил слепой, положив на ковер Марию, крепко связанную.

– Теперь примемся за другую.

Негодяи связали Жанну, которая лишилась чувств.

– Вот и прекрасно! – сказал калека. – Но каким образом мы вынесем ее отсюда, а потом донесем до лесу?

– В самом деле, как же? – ответил слепой.

– В том-то и штука.

– Дурак ты! – продолжал слепой. – Разве я не ношу тебя каждый день на плечах? Возьми ее и привяжи крепко веревками к моей спине. Вот и прекрасно! Она легче перышка. Я побегу как заяц.

Через минуту оба разбойника со своей драгоценной ношей исчезли в лесу. Слепой был очень силен и рассчитывал, что ему будет очень легко нести Жанну; эта ноша была легкая в сравнении с мнимым калекой, которого он каждый день таскал на плечах. Но он не подумал,

что его товарищ ловко помогал ему. Но бесчувственная Жанна со связанными руками висела на спине нищего и вся тяжесть приходилась на спину.

- Черт побери! – сказал слепой, хрипя. – Она никак еще тяжелее тебя.
- Понесем ее вдвоем, – предложил калека.
- Трудно без носилок.
- Постой! Я видел носилки.
- Где?
- В саду замка.
- Пойдем за ними.

Разбойники направились к стене, служившей забором сада. Возле стены во рву положили они молодую девушку, а потом приготовились перелезть через стену, что было не новостью для таких бродяг. Они притащили тяжелый камень и приложили его к стене. С ними были веревки. Камень привязали к концу крепкой веревки с узлами, потом перебросили через стену, и с помощью этой веревки калека перелез в сад, а слепой ждал, будучи готов в случае опасности тотчас лечь в ров. Товарищ его скоро вернулся, и носилки, на которых таскали навоз, упали на траву; за носилками скоро явился и калека.

Разбойники положили Жанну на носилки и, пробираясь между кустами, добрались до леса. После довольно утомительной ходьбы они остановились наконец возле кустов грабины, составлявших как бы беседку из зелени. Тут они намеревались отдохнуть. Но опасаясь, чтобы кто-нибудь не прошел мимо, слепой сказал своему товарищу:

- Теперь ступай и карауль.

Слепой был умнее своего товарища и приучил его уступать себе. Но на этот раз калека заупрямился.

- Что ты это поешь? – сказал он.

– Пою, что следует, – ответил слепой, – ведь должен же кто-нибудь из нас караулить на тропинке.

- Почему же непременно я?

– Экий осел! – заворчал слепой. – Скотина, идиот, что бы ты стал делать без меня? Голова-то у тебя пустая! Кто придумывает все кражи, все выгодные штучки, как не я? Стало быть, и ты должен сделать что-нибудь.

Но калека стоял на том, что караулить не хочет.

- А вот я тебе бока переломаю!
- Ну, становись! Кто сильнее, тот и возьмет.

Но вдруг слепой передумал.

- Я сделаю тебе предложение, – сказал он.
- Какое? – недоверчиво спросил калека.
- Кинем жребий.
- Хорошо!

Калека набрал камешков, зажал их в руку и спросил:

- Чет или нечет?
- Нечет! – сказал слепой.

Сосчитали. Слепой выиграл.

- На часы! – сказал он весело.

Но в эту самую минуту раздался страшный крик, повторенный издали отголосками леса.

Глава XIV

И калеки умеют быстро бегать

Пока происходило похищение, Кадрус и его помощник прощались с Фуше.

Фоконьяк был в восторге от шутки, сыгранной с министром. Жорж, обыкновенно мрачный и сосредоточенный, имел проблески веселости, шутил над министром и отпускал колкие остроты. Разговаривая и смеясь, они приехали к Магдаленскому замку.

Фоконьяк прекратил свои шутки и бросил томный взгляд на комнату, где несколько раз видел Жанну и Марию, иногда смотревших из окна в часы скуки.

– Э-э! – сказал он вдруг. – Смотри-ка, Жорж!... Прости господи! Кажется, у твоего друга Алкивиада куриная слепота... Быть не может!... Скажи-ка мне, что это свисает с балкона?

– Веревочная лестница! – вскричал Кадрус.

– Именно! – продолжал Фоконьяк. – Только твои слова могут заставить поверить моим глазам. Негодницы! – начал он ругаться. – Дорого вы поплатитесь мне за это. Ах, милый Жорж, ты был прав! Решительно, женщины не годны ни к чему... Признаюсь, со стороны твоей блондинки это меня удивляет.

– Оставь меня в покое, – заворчал Жорж. – Какая она моя? Что мне за дело до этой веревки, которая свисает с балкона?

– Притворщик! А сам помертвел! Ты бесишься. Ты любишь эту девочку. У нее есть любовник, а ты терзаешься от ревности, только признаться не хочешь.

– Говорю тебе, что ты дуралей! – вскричал вспыльчиво Кадрус.

– Послушай, – сказал Фоконьяк, – если ты хочешь, чтобы я забыл, какие взгляды бросал ты на эту девочку, чтобы я не видел твоего гнева в эту минуту, тебе стоит сказать...

Жорж не отвечал.

– А что, если обожатель еще там? – намекнул Фоконьяк. – Вот было бы смешно!

Кадрус сдерживался с трудом; его зрачки сверкали в тени, а рука сжимала рукоятку ножа. Он не дышал, а глухо хрипел. Замечание Фоконьяка было как бы последним ударом шпорами. Одним прыжком очутился он под балконом, в один миг приподнялся на стременах, схватил веревку и добрался до балкона. Позади него Фоконьяк, как цепкая кошка, вскарабкался и прыгнул в комнату.

Первым предметом, который они приметили, была Мария, делавшая бесполезные усилия, чтобы разорвать веревки, связывавшие ее. Фоконьяк поспешно развязал молодую девушку. Жорж осматривал все углы комнаты. Волнение девицы де Гран-Пре было так велико, что она не могла произнести ни слова, но, как только высвободила руки, указала на окно. Это быстрое и исполненное ужаса движение показало Кадрусу, что Жанна сделалась жертвой какого-нибудь преступления.

– Ее отсюда унесли! – вскричал он с бешенством. – Видишь, – обратился он к Фоконьяку, – что она не была сообщницей этого преступления! Видишь, ты оклеветал ее!

Молния радости осветила его лицо. Фоконьяк, приняв торжественный вид, сказал:

– Извиняюсь. Однако теперь не время восхищаться, что девица де Леллиоль ангел. Надо ее спасти!

Осмотревшись, он прибавил:

– Похищение произошло без воровства. Молодую девушку утащили одну, а денежки дядюшки Гильбоа не тронули. Оправьтесь, – обратился он к Марии, – и расскажите все.

Молодая девушка, преодолев волнение, которое сжимало ей горло, сказала:

– Их было двое... лица у обоих черные... Один из этих негодяев, лицо которого показалось мне знакомым, привязал Жанну к своей спине...

– Но когда? – вскричали Жорж и Фоконьяк.

– Сию минуту!.. Они не могут быть далеко... Бегите... спасите ее... моя признательность...

Жорж и его товарищ не дождались конца фразы. Одним прыжком очутились они на балконе и прыгнули наземь. Потом вскочили на лошадей и поскакали во весь опор. Одного взгляда было им достаточно, чтоб угадать, какую дорогу выбрали похитители. Очевидно, они направились в лес – с женщиной на спине им нельзя было идти иначе.

Дорогой Фоконьяку пришла в голову мысль.

– Уж это не наши ли? – сказал он.

– Какие Кроты осмелятся действовать без моего приказанья? – сказал грозный Кадрус.

– А я почем знаю! Пьяные или влюбленные, а это одно и то же.

– Беда тому, кто осмелился на это похищение без моего ведома!

Фоконьяк громко вскрикнул тем особенным криком, которым начальники призывали Кротов.

Разбойник, стоявший на часах, опрометью кинулся в грабины, где также испугавшийся крика слепой уже подхватил носилки, наскоро сунул в рот кляп пришедшей в себя Жанны, и оба пустились во всю прыть к хижине, где их ждал Гильбоа.

Глава XV

Нищие заставляют запеть других

Между тем Жанна успела кое-как освободиться от кляпа, который второпях слепой не успел засунуть ей в рот как следует, и вскрикнула громко. Жорж и Фоконьяк услышали этот крик. Разбойники снова засунули платок в рот Жанны и спешили как могли, натываясь на ветви, спотыкаясь, а лошадиный топот все приближался. Притаившись за густой массой деревьев, разбойники выждали, когда Кадрус и Фоконьяк как стрела промчались мимо них по дороге, а потом слепой сказал:

– Они не такие дураки, чтобы долго скакать по ложным следам! Спустимся в долину по скалам, это будет труднее, но вернее и короче... Когда мы придем в хижину, оставим там нашу ношу, а если эти чертовские всадники найдут, где запрятана девица, мы успеем удрать. Пусть Гильбоа выпутывается как знает!

Гильбоа ждал их, спрятавшись в густой чаще, с маской на лице. На нем был костюм тех работников, которые с незапамятных времен разрабатывают каменоломни в лесу Фонтенбло. Он был так неузнаваем, что сами нищие испугались, когда он показался при их приближении. Но он снял маску и дал им себя узнать. Не обмениваясь с ним ни одним словом, оба разбойника поспешили отнести в хижину свою ношу. Это была жалкая, брошенная избушка, когда-то служившая жилищем семье одного из тех дровосеков, которые посылаются в те места, где им приходится рубить лес. В лачуге были две комнаты. Первая, очевидно, служило общей, а вторая спальней. В глубине последней стояла кровать, сделанная из четырех кольев, вбитых в землю. Переплетенные ветви составляли ложе, на которое недавно была положена свежая солома, прикрытая листьями и мхом. На эту-то постель нищие положили бедную Жанну, разбитую усталостью и оцепеневшую от страха. Полнейшая темнота господствовала в хижине.

Разбойники вернулись к Гильбоа.

– Мы сделали все, – сказал слепой. – Надеюсь, что вы довольны?

– Хорошо! – грубо ответил дядя Жанны. – Ступайте.

Но разбойники были себе на уме. Им хотелось кое-что выклянчить у барона.

– Вам известно, – продолжал слепой. – что когда бывают довольны людьми, всегда дают на водку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.